

Артём Патрикеев

Послание
из
будущего

Артем Патрикеев
Послание из будущего

«Издательские решения»

Патрикеев А. Ю.

Послание из будущего / А. Ю. Патрикеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830910-6

Будущее всегда наступает, рано или поздно. Что нас там ждет? Хотелось бы верить, что много всего интересного. Из данной книги вы можете узнать, что же увидел наш современник в далеком будущем, что сбылось из предсказаний, а что нет. Впрочем, эти предсказания были написаны совершенно разными людьми — и детьми, и учеными. Кто же в большей степени оказался прав? Люди научного склада ума или фантастического? Проверьте сами.

ISBN 978-5-44-830910-6

© Патрикеев А. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Троллейбус будущего	6
Немного пояснений	12
Погружение	14
Боязнь Альцгеймера	21
Реклама будущего	30
Подарок	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Послание из будущего

Артем Юрьевич Патрикеев

Редактор Мария Нефёдова

Дизайнер обложки Артем Патрикеев

© Артем Юрьевич Патрикеев, 2019

© Артем Патрикеев, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4483-0910-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Тюренкову Юрию Васильевичу (дяде Юре). Есть мнение, что когда-нибудь, в далеком-далеком будущем, люди придумают, как воскресить всех когда-либо живших людей. Однако почему бы не подумать о том, что людям будущего будет намного проще умирающих людей забирать к себе, в будущее, а на их месте оставлять точные копии?

Надеюсь, что так оно и есть, и дядя Юра теперь там, в будущем... Он всегда интересовался новыми знаниями. Думаю, что там их должно быть если и не в избытке, то уж точно в достатке.

Троллейбус будущего

– Не хочешь прокатиться на троллейбусе? – поинтересовался мой друг.

– А как же! Зачем спрашивать!

Всего несколько дней, проведенных в Москве будущего, могли довести до сумасшествия любого, и меня в том числе. Лишь заранее продуманные действия Института хронологии помогли мне адаптироваться. Ну, может, не совсем адаптироваться, но уж воспринимать адекватно окружающий мир – это точно.

И зачем только они меня вытащили? Двухтысячный год¹ был не так уж и плох. Конечно, везде есть свои минусы...

Они утверждали, что через две секунды я должен был погибнуть под колесами случайного грузовика. Хотя я не верю в случайности, но почему-то никто никогда не говорит: «под колесами закономерного грузовика». А это было бы намного более правильным.

Помнится, я слышал свист тормозов за спиной, но повернуться не успел. Так что был ли это грузовик, или легковушка... Хотя тормоза не только свистели, но и скрипели, причем так, что логично было бы поверить.

Однако с чего они взяли, что машина не успеет затормозить или вильнуть в сторону? Сказали, что грузовику больше некуда было деваться, кроме как переехать меня. Белые халаты (запомнить имена экспериментаторов я так и не удосужился) обещали показать мне запись, но что-то никак не показывали, говоря, что я еще не готов. А как они представляют мою готовность? Насмотреться фильмов, насыщенных черным юмором, чтобы воспринимать любую смертельную неприятность, как веселый эпизод жизни? А что? Идея неплохая. Надо поразмыслить на досуге.

За неимением никаких других объяснений я принял всю информацию за чистую монету (но не без доли скептицизма) – кто знает, как, где, что и чем обернется.

– Так ты идешь? – голос моего нового знакомого вывел меня из задумчивости.

Хотя насколько можно считать его новым, если мы знакомы уже несколько дней? Порой я даже считаю его своим другом. Как там его зовут? Кирилл. Знавал я одного Кирилла, вечно какую-нибудь пакость мне устраивал. Сначала я и этого воспринял в штыки, но сейчас ничего, вроде отошел. Он пока меня нигде не подставлял (если, конечно, все, что происходит вокруг, не является сплошной подставой).

– Иду, иду.

Улица меня уже не удивляла. Ну, машины более-менее необычных форм, ну здания, закованные в стекло. Фонарей не видно – они встроены в окружающие объекты и включаются по мере затемнения территории. Интереснее всего смотрелись подсвеченные деревья: вживленные провода не только не мешали деревьям, но и подпитывались дополнительной энергией, используя силу токов древесных соков, а кроме того, обогревали деревья прямо изнутри, не давая им замерзнуть в тяжелые времена.

До сих пор меня удивляло лишь одно – свободные дороги. Весь частный, да и грузовой транспорт был убран под землю. Под землей, как мне рассказали (сам я еще туда не спускался), находилась гигантская дорожная сеть – собственно, практически такая же, как и наверху, даже более разветвленная. Подземные дороги подходят к каждому дому и переходят в подземные стоянки. То же самое относилось и к грузовым перевозкам, а вот городской транспорт – авто-

¹ Вообще, если говорить точно, был 2011 год, но «двухтысячный» звучит как-то более привлекательно, во всяком случае, для меня.

бусы, троллейбусы, служебные машины (скорая помощь, пожарные и т.п.) – ездили сверху, вместе с колесерами.

Колесерами стали называть тех, кто для передвижения использует колеса (нет, не наркотики – не стоит путать понятия, хотя теперь уже все равно никто наркоту колесами не называет), т. е. ролики, велосипеды, скейты. Главное условие – никаких моторов. Первое время были любители проскочить на поверхность, но как только поставили «глушители», все сразу прекратилось. Глушители заглушали, а точнее – вырубали любой несанкционированный городом двигатель.

Кирилл говорил, что под землей пробок нет. Я, конечно, ему не поверил. Какая разница? Раньше машины ездили поверху, теперь под землей. Убрали пробки с глаз долой – из сердца вон, вот всего и делов-то. Но Кирилл утверждает (только не смейтесь), что народ теперь предпочитает не пользоваться личным транспортом: слишком много возни.

Под землей вместо тротуаров бегущие дорожки («медленно бегущие», – уточнил Кирилл, – «чтобы никто не упал»). Кому добираться близко – встал и поехал, кому далеко – поднялся на поверхность, сел в троллейбус и поехал.

Все это звучало весьма удивительно. Вот спущусь вниз как-нибудь и проверю, а то вешают мне лапшу на уши... Сам я здесь еще ни на чем не катался.

Лаборатория находилась в двух шагах от гостиницы, в которую меня поселили. Далеко идти не пришлось, троллейбус был нарисован прямо на дороге.

– Это и есть остановка, – пояснил Кирилл. – Сразу видно, где остановится транспорт. Это касается и автобусов, и троллейбусов.

– Ничего себе. А если дождь? – мой практический склад ума не позволял так просто смириться с тем, что в будущем все должно быть удобнее и практичнее.

– Проще воспользоваться зонтом.

– Что? Обычным зонтом? И это будущее?

Я и в свое время зонтом не пользовался, считал это ниже своего достоинства, а эти братья наши старшие (или младшие – что правильнее, на мой взгляд) даже не смогли избавиться от зонтов.

– Да. А что ты ожидал? – он полез в карман. – Вот.

Он достал маленькую толстенькую монетку радиусом сантиметров пять и сунул мне в руку.

– Это на проезд?

– Нет, это зонт!

Поражаюсь выдержке этого парня – как же он спокойно воспринимал мою, пусть и невольную, невежественность.

– Ёксель-моксель! – не сдержался я. – А как он работает? Что-то я не вижу ни одной кнопочки?

– Положи его на ладонь, светлой стороной наверх, и нажми пальцем, – Кириллу явно нравилось меня учить, я был для него благодатным объектом для самосовершенствования.

Душа боязно поехала, но в пятки не упала, в голову почему-то лезли всякие бомбы. Хорошо, что мой знакомый был совершенно спокоен, а то я бы еще подумал, нажимать кнопку самому, или доверить кому-нибудь другому.

– Ладно, была не была, – решил я, чем ввел Кирилла в несколько изумленное состояние, и нажал на кнопку.

Кружочек приоткрылся, приподнялись четыре лепестка, но лишь на секунду. Далее лепестки стали раскрываться на более мелкие лепестки, а те, в свою очередь, еще, и так далее. Одновременно снизу стала выдвигаться (вероятно, также размножаясь делением) тонкая ручка. Довольно скоро зонт принял свои обычные очертания (обычные для старого мира).

– Великолепно! – Я покрутил зонт в руках.

– Самое удобное то, что зонт быстро складывается обратно, выдавливая из себя всю воду. Так что его даже не надо сушить, – Кирилл смотрел на меня, очень довольный собой.

– А все равно его с собой приходится носить, – осадил его я, подбросив вновь собравшуюся монетку. – Да и потерять его легко.

Я подбросил монету-зонт еще раз.

– Носить, конечно, приходится, но вот насчет «потерять» – это ты неправ. Попробуй его уронить.

Я бросил монетку на дорогу. Та тут же подлетела и спряталась в моем правом кармане.

– Ух, ты! Чего это она?

– Притягивается, магнитный эффект.

– А если я ее подальше брошу? Она ведь тогда вернется не ко мне, а к тому, кто ближе?

– Нет. Зонтик продается вместе с одеждой – в твоем случае с пиджаком. И настроен он только на твой пиджак, так что ни к кому другому он улететь не сможет. Все просто, – пояснил Кирилл.

– Здорово... Действительно продумано. Во всяком случае, на первый взгляд.

– А вот и троллейбус... Троллейбус едет.

Кириллу пришлось обращаться ко мне дважды: я слишком заинтересовался зонтиком, разглядывая его и периодически бросая то на дорогу, то на тротуар. Зонтик всегда возвращался обратно, хотя я очень старался забросить его куда-нибудь подальше.

Народу собралось немало. Однако и троллейбус был раза в два длиннее наших, стародавних (ну вот, я уже сам называю свое родное время «стародавним» – быстро же человек перестраивается), да еще и двухэтажный. Его усики обхватывали провода, как человеческие пальцы.

– А если что случится? Как же «усики» переключать? – это я спрашивал уже потом, когда появилось время.

– «Усики» легко отцепляются: крепление сделано в виде ладони, которая сжимает и разжимает пальцы. Надо отцепиться – разжал и все. Не надо – пусть держатся. Зато сами «усики» никогда не отсоединятся произвольно. Раньше всем этим управлял водитель, нажимая на нужные кнопки, но теперь водитель уже не требуется. Все оказалось не так сложно, как думали вначале.

Троллейбус подъехал и остановился точно на остановке (на своем рисунке). За рулем я никого не разглядел, хотя переднее стекло было не настолько тонировано.

– Водителя нет, можешь не присматриваться, – Кирилл сразу понял мой интерес. – Троллейбус управляется компьютеризированной автоматикой. Маршруты известны, космические спутники дорогу отслеживают, накладок быть не может. Я не специалист во всей этой автоматике, но что-то вроде этого.

Люди никуда не торопились, чинно стоя на тротуаре напротив остановки.

– Только теперь спокойствие, – шепнул мне на ухо Кирилл.

Дверей у троллейбуса не наблюдалось. Я надеялся, что пойду за пассажирами, но все стояли на местах. Две женщины в одинаковых бежевых костюмах негромко переговаривались, не обращая на троллейбус никакого внимания. Остальные стояли сами по себе, глядели на троллейбус или по сторонам. Казалось, что никому нет никакого дела до прибывшего транспорта.

– Куда же входить? – не удержался я от вопроса.

– Входить не придется.

– Что?.. – начал я говорить, но действие уже началось.

Крыша и боковые стенки раскрылись одновременно. Сиденья на длинных гибких трубах из неизвестного мне материала выехали наружу. Точнее, выехали сиденья с первого этажа, а вот

со второго они спустились, остановившись в полуметре над асфальтом. Вот теперь люди ожились и стали деловито занимать свободные места. Надо сказать, что мы садились на конечной, так что весь троллейбус был свободен.

Мы с Кириллом сели рядом на сиденья второго этажа. Когда все заняли свои места, кресла медленно и плавно вернулись обратно в троллейбус. Я воспринимал все происходящее, как веселый аттракцион, – сразу вспоминался Парк культуры или ВВЦ.

Хоп – и мы уже наверху. Стоячих мест здесь не предусматривалось. Все свободное место занимали сиденья. Но о людях здесь подумали: места между сиденьями вполне хватало, так что всегда можно было протянуть ноги (а кому и вытянуть), чтобы не засидеться. Как только все сиденья втянулись внутрь, стенка и крыша закрылись.

– Поехали! – Прозвучало банально, но так хотелось сказать это слово.

И мы действительно тронулись (я уже почти что тронулся мозгами).

– В ваше время аттракционы, небось, уже непопулярны?

– Не скажи. Всегда можно придумать, чем людей развлекать, – Кирилл больше смотрел на меня, чем по сторонам. Видимо, оценивал реакцию.

Я старался казаться совершенно беззаботным, однако в душе все клокотало.

– Проезд бесплатный? – Вот что мне было интересно. Технические новинки – ладно, а вот кто за все это платит?

– Отчего же? У каждого человека есть... это... Как там она у вас называлась? – Кирилл мучительно подбирал слово. – Своего рода кредитная карта. Как только человек садится в троллейбусное кресло, с карточки автоматически снимается нужная сумма.

– Но у меня же нет никакой карточки? – удивился я.

– Есть. На самом деле это микрочип. Он вживляется каждому человеку при рождении. Тебе мы тоже вживили чип и положили на счет кругленькую сумму.

– О-о! Это здорово, можно разгуляться, – пошутил я.

– Не торопись. Узнавать все надо постепенно, – Кирилл натянуто улыбнулся. Думаю, он сразу забеспокоился, что я очень быстро разбазарю все институтские деньги, какой бы круглой ни была сумма.

– Да не волнуйся, вы же меня наверняка знаете, не зря же отслеживали, – отмахнулся я.

– Отслеживали. Но даже сейчас, в невероятно развитом обществе, мы не всегда можем до конца понять другого человека. Тем более если этот человек прибыл из прошлого.

– Слушай, – вернулся я к своим баранам. – А если я сел, а денег у меня нет? Что он будет считать?

– Ничего. Просто ударит вас током – и все, – Кирилл невозмутимо пожал плечами.

– Насмерть?!

– Нет, конечно, но очень заметно. Поверь мне на слово, – Его тон намекал на знакомство с электрической системой данной конструкции.

Я ненадолго задумался, глаза по сторонам. В спинке кресел (как эти сиденья назвал Кирилл) находились телевизоры с кучей разных каналов. Мне было несколько лениво пялиться в экран, так что я пощелкал по кнопкам лишь для проформы, но объемное звучание и картинка впечатляли.

– А ничего, что звук моего телевизора мешает остальным пассажирам? – ехидно поинтересовался я.

– А он не мешает, – самоуверенно ответил Кирилл и улыбнулся. – Направленный звук.

– Чего?

– Звук направляется только на одно пассажирское кресло. В частности, на твое. Даже я не слышу, что у тебя идет, хотя сижу рядом.

Я понимающе покивал головой, хотя на самом деле мало чего понял. Кроме, конечно, главного – наушники не нужны.

– Во! – Хорошо поразмыслив, я все же нашел небольшой изъян в системе, как мне показалось.

Кирилл с интересом посмотрел на меня.

– А если я уже сел в кресло, а меня позвали. Я встал с кресла и ушел, а деньги-то у меня уже сняли! – Наверняка моя физиономия сейчас сияла.

Я очень надеялся, что застал Кирилла врасплох, но он лишь усмехнулся.

– Если ты сел и встал до того, как кресло подняло тебя в троллейбус, деньги вернутся. А вот если тебе понадобится выходить уже из троллейбуса, то извините – придется платить. В ваше время было не лучше: оплатив поездку, ты уже не мог вернуть деньги, как бы и кто бы тебя ни звал. Ведь так?

– Ну... да... – пришлось согласиться мне. – Пробыл талончик, всё – кранты, обратной дороги нет.

Люди садились и выходили (или выезжали). Мало кто ехал далеко, дольше чем на две-три остановки почти никого не хватало. Кирилл пояснил, что в основном люди живут, работают, развлекаются не так далеко от дома. Все устроено так, чтобы всего везде хватало. Даже работы. Получалось, что у человека образовывался своеобразный ареал обитания, за который он выходил довольно редко. Если вообще когда-нибудь выходил. Такое построение общества меня потрясло, но говорить об этом вслух не хотелось. Над проблемой еще предстояло подумать.

На одной из остановок, когда троллейбус уже убрал все кресла и закрылся, к нему подбежал молодой человек, махая рукой. Он явно куда-то торопился. «Ага, щас!» – подумал я. – «Водителя нет, кто проявит сострадание к опоздавшему?» Но, на мое удивление, крыша троллейбуса приоткрылась ровно для одного кресла, которое быстро выдвинулось наружу, подхватило пассажира и вернулось обратно. На все про все ушло не более десяти секунд. И вот мы уже снова в пути.

– Хе-хе, – не удержался я. – А если пассажиры так и будут подходить по одному? Троллейбус будет стоять бесконечно долго, или пока все места не будут заполнены?

– Нет, есть резервное время, которое троллейбус может потратить на остановке. Если времени хватает, то он обязательно подождет опаздывающего. А вот если времени уже нет, то уезжает. В большинстве случаев это обозначает лишь то, что быстрее дождаться нового троллейбуса, чем торопиться в этот.

Мы проехали по всему маршруту туда и обратно. Обернулись часа за полтора, если не ошибаюсь. Но я совершенно не устал сидеть. Меня развлекали виды из окна, пассажиры (своим видом и поведением), да незначительные разговоры с Кириллом. Анатомически подстраивающееся кресло совершенно не позволяло моей пятой точке затекать или просиживаться. Когда кресло поставило меня на асфальт на конечной остановке, я встал на ноги совершенно спокойно, как будто и не было этих сидячих полутора часов.

Оказалось, для того, чтобы выйти (точнее, чтобы тебя вынесли наружу), в кресле была предусмотрена специальная «кнопка катапультирования», как в шутку назвал ее Кирилл. Нажал ее – и на ближайшей остановке тебя высадят. А можно было сделать еще проще. На экране телевизора высветить весь маршрут и нажать на нужную остановку. Тогда можно было ехать и ни о чем не задумываться, даже спать можно было совершенно спокойно – кресло само вынесет тебя наружу, а если не будешь вставать (заснул, например), то еще и разбудит. Жаль, не на ком было проверять, а использовать себя в качестве испытуемого я, как назло, не догадался, а то интересно было бы посмотреть, как это кресло будет будить.

– Какая замечательная поездка! – Я восхищенным взглядом провожал уезжающий троллейбус, одновременно пожимая Кириллу руку.

– Я рад, что вам понравилось. Но это всего лишь начало. Вы еще даже не представляете всего, что вас ждет впереди.

Я улыбнулся, подумав о том, какие еще сюрпризы может мне преподнести встреча с будущим. На этом мы с ним и расстались. Кирилл отправился в институт, пообещав зайти завтра пораньше, а я отправился в гостиницу, отдохнуть и приводить свои мысли в порядок. Голова уже с большим трудом ворочала накопившийся материал. Столько всего предстояло переварить и осмыслить!

Я усмехнулся, поглядев вслед очередному троллейбусу, и быстрым шагом направился в гостиницу. Сейчас мне хотелось забраться в ванну и валяться в ней... валяться... валяться...

Немного пояснений

Как я оказался в будущем? Забрали меня туда из прошлого. Как же еще? Но вот вопрос посерьезнее: как вы читаете эти строки? Это я попробую пояснить.

Мне почти ничего не разрешили рассказывать о самом будущем. Это и понятно, люди сами должны до всего дойти. Но зато о том, о чем мечтали люди еще совсем недавно, можно.

По вечерам, после основной работы в институте я начал читать сборник рассказов, который написали самые разные люди – начиная от младших школьников и кончая известными докторами наук. Все рассказы стилистически были приведены к некоторому единообразию выпускающим редактором. Условие, при котором рассказ мог попасть в сборник, было одно: текст должен был рассказывать о будущем. И о новинках, которые могли в скором времени появиться. Так как сборник составлялся лет сто назад (относительно того времени, в котором я сейчас нахожусь), то на данном этапе вполне можно определить, что же случилось, а что так и осталось лишь голой мыслью, обычной (а может быть, и необычной) фантазией. Разобраться во всем этом мне помогает домашний робот, который делает уборку, следит за моим питанием, да и вообще ведет себя как настоящий домохозяин. Впрочем, это я его роботом называю, по виду от человека его не отличишь, так что, может быть, более правильно было бы назвать его «киборг», но после фильма «Терминатор» это слово никак не хотело ложиться в мой лексикон. Точнее, оно там было, конечно, но вот использовать его в мирных целях как-то не хотелось. Тем более что у робота имелось имя – Василий. Так я к нему и обращаюсь.

Каждый день я прочитывал по одному рассказу, после чего пытался его обдумывать и обсуждать с Васей. Мне нравятся в нем спокойствие, точность ответов, иногда слегка заумные, на мой взгляд, но забавные рассуждения.

Люди будущего казались мне совсем чужими. Даже Кирилл, который прошел специальную подготовку для общения с такими, как я, пришельцами, был для меня менее близок и понятен, чем Вася. Кирилл и помог мне переправить тетрадь в прошлое. Впрочем, то прошлое, в которое попадет тетрадь, для них уже давно пройдено, и все значимые или просто интересные события они наверняка знают и отслеживают. Наверное, именно поэтому мне разрешили использовать эти тексты, но пока не разрешили рассказывать о том, что меня окружает в реальности. Только «Троллейбус» получил одобрение. Однако если появление тетради в прошлом ничего не изменило, то есть вероятность, что мне разрешат написать о том, что я тут вижу и чем пользуюсь.

Честно говоря, во всех этих правилах я уже слегка запутался. Ведь люди будущего должны знать, что я послал тетрадь или, скажем, написал вторую, к чему привели или не привели эти записи в прошлом. Почему что-то можно, а что-то нельзя? Все от времени зависит? Или это эксперимент, который пока продолжается и требует определенной последовательности действий? На эти вопросы я надеюсь получить ответы в будущем (смешно звучит, конечно, учитывая, что я и так сейчас нахожусь в далеком будущем).

Тетрадь написана электронными чернилами, которые выглядят почти как настоящие, разве что делают мой почерк более читабельным. А это очень важно. В школе мне всегда снижали оценки по русскому языку из-за большого количества помарок, плохо читаемых букв, слов, которые трудно разобрать. Зато с этой подаренной мне ручкой проблем нет. Да и бумага не подкачала. Помарки исправляются, буквы подправляются – даже если я очень постараюсь, написать что-то совсем нечитаемое не получится. Впрочем, стараться я и не хочу. Пишу то, что интересно, стараюсь точно передать наши разговоры с Васей, свои мысли и чувства. В общем, может, и ничего интересного, зато рассказы, если попадут в нужные руки, вполне могут повлиять на изобретательские умы. Некоторым достаточно

дать только намек – и тут же идея преобразуется в действие, а там и до реального изобретения недалеко.

А теперь перейду к своему дневнику с текстами. Надеюсь, вы не заснете раньше, чем нужно.

Погружение

Раскрыв бумажную довольно толстую книгу, я не сразу сосредоточил свое внимание на самих рассказах. Их специально распечатали именно таким образом, чтобы дать мне возможность побыть в привычной обстановке – с книгой в руке и тишиной вокруг. Вася скрылся где-то за дверью, проявляя ненавязчивую вежливость. Мягкий приглушенный свет создавал сказочную атмосферу таинственности, но его вполне хватало, чтобы читать текст без напряжения. Я забрался на огромное мягкое, пушистое кресло с ногами и уютно устроился на нем, легко перебирая пальцами шуршащие страницы.

Я нахожусь в этом будущем уже больше трех недель и, несмотря на все новые впечатления, соскучился по книгам. Обычным бумажным книгам. Именно поэтому я сейчас сижу и просто перелистываю страницы. Вдыхаю запах, наслаждаюсь тактильными ощущениями...

Да что это я все о себе. Перейду, пожалуй, к первому рассказу. Итак, «Погружение».

Мы погружались уже десятый час, но до дна было еще далеко. Члены семьи, что находились на борту, от глухого уныния перешли к апатии. Ведь не каждый день семья теряет мужа, отца и главного кормильца. За бортом батискафа вода оставалась все такой же прозрачной, но однообразной. Мелкие рыбки мелькали перед толстыми стеклами иллюминаторов. Они сверкали, как маленькие звездочки, причем так ярко, что даже прозрачная синева воды никак не могла их приглушить.

Капитан (а я и есть капитан этого судна, хоть у нас всего два члена команды на корабле – я и мой помощник; и нечего смеяться: ведь кто-то из нас должен быть капитаном, и на данный момент этим капитаном был я) привычно отдавал приказы.

Я говорю «вода», говорю «рыбы», но это всего лишь привычные для нас названия. На планете Таилия было только подобие воды. Точный состав так до сих пор никто и не смог разложить по полочкам. Как это ни удивительно, но вода – уж позвольте так ее называть – постоянно менялась. Еще не известные науке элементы никак не хотели выделяться из общей формулы. Ученые работали, не покладая рук, уже добрых семь лет, но ничего нового выдать так и не смогли.

Вроде бы чуть проще дело обстояло с рыбами – точнее, возможным их аналогом, но и тут оказалось всё не так легко. Скелет их ничем особым не отличался. Кремниевая основа с хитиновым покрытием – на слух звучит полным бредом, но так показали приборы. Вот здесь ученые просто развели руками. Содержать водных жителей на станции, находящейся на орбите, не представлялось возможным – те погибали, лишь только покидали водную среду, причем не просто погибали, они рассыпались в мелкий желтый песок.

Планета никак не хотела раскрывать своих тайн. Рабочие роботы создавали на поверхности плавучие станции, и они постепенно превращались в небольшие научные городки и заселялись людьми, которые хотели узнать новую планету, научиться использовать ее богатства, понять ее логику. Но пока все усилия были тщетными.

Однако никто сдаваться не собирался. Мы сумели построить батискафы, способные погружаться до самого дна – а это огромные толщи воды, просто гигантские, километры и километры постоянного погружения. Марианская впадина, вы говорите? Да здесь бы ее не приняли даже за мелкую трещинку на земле. Мне трудно это описать, а вам – тем, кто не был на Таилии – трудно это понять, но поверьте мне на слово или взгляните в научные электронные энциклопедии, может быть хоть тогда вы хотя бы чуть-чуть сумеете представить обстановку, в которой находились все люди, живущие и работающие на Таилии.

Первое время, с трудом представляя, что находится под основанием плавучей станции, люди воспринимали воду очень спокойно, но стоило провести хотя бы одно серьезное погру-

жение, часиков эдак на пятнадцать, или опуститься до самого дна, вот тогда только они начали понимать, что под ними по сути дела ничего нет! Только вода, огромное количество воды, неправдоподобно большое количество. Однако человек ко всему привыкает, и первые поселенцы давно воспринимали всё вокруг как само собой разумеющееся.

Батискафы – это, конечно, великое подспорье, но еще большим успехом было создание скафандров, позволявших людям совершенно спокойно работать на любой глубине и не превращаться при этом в тонюсенький листочек бумаги.

Особо не мудрствуя с названиями, всю водную поверхность решили назвать просто Мировым Океаном. А так как вся суша находилась глубоко под водой, то планете, по сути дела, можно было другого названия и не давать. Исследования проходили прямо под плавучими городами. Да и зачем было куда-то плыть, если прямо под станциями лежали огромные неисследованные пространства? Впрочем, некоторые сорвиголовы пытались заплывать и подальше, на день-другой пути от города, но ничего особенного такие заплывы не приносили. Казалось, что Океан везде был совершенно одинаков.

Если не видеть дна, то отличить, в каком месте ты находишься, без приборов не представлялось возможным. На дне же могли быть и горы, и песчаные пустыни, но в целом все выглядело безжизненно и... хотелось бы сказать «уныло», но такое слово совсем не подходило для данного места. Унылым можно было считать лишь однообразие, царившее вокруг. Даже наличие мелких плавающих водорослей и рыб не сильно его нарушало, но назвать «унылым» место с яркими, прекрасными, переливающимися красками мне показалось нелепым.

В воде не было крупных хищников, да, собственно, тут вообще не было никого крупнее неончиков: ну, если знаете, это такая мелкая рыбка 3—4 сантиметра в длину с так называемой неоновой полоской на боках. Даже сам не знаю, почему именно эти рыбки пришли мне в голову для сравнения, хотя догадываюсь, что это связано с их неоновыми полосками, которые в реальности в темноте не светятся, но зато очень красиво отражают попадающий на них свет. А здешние рыбки излучали свет, именно не отражали, а сами являлись маленькими светильниками. Вот бы каждому ребенку на земле подарить таких рыбок, чтобы они жили в красивых аквариумах возле их кроваток и служили не только красивой игрушкой, но и замечательным постоянно горящим ночником, которому не нужно ни электричества, ни батареек!

Вот, в общем-то, и все, что я сейчас могу вам рассказать. Я не биолог, я отвечаю за погружение, доставку людей на дно и обратно, перевозку грузов, катание гостей. Вот и сейчас моя задача состояла в том, чтобы доставить семью погибшего аквалангиста к месту его смерти.

Миссия, возложенная на нашу команду, в этот раз была не из приятных. Я не могу сказать, что конкретно там произошло – вероятно, что-то случилось с костюмом погибшего. В общем, на то, что с ним стало, лучше было не смотреть. Такое случалось и ранее, и не каждая семья, да еще в полном составе, отваживалась спуститься так глубоко. Что ж, в геройстве нашим пассажирам было не отказать.

Каждый такой случай смерти давал много новой информации и возможностей для экспериментов. Нельзя сказать, чтобы местные биологи, да и другие ученые, радовались смерти своих товарищей, но чтобы смерть не была напрасной, ее надо было использовать целиком и полностью, на все сто, так сказать. И вот в этом состояла главная трудность: нужно было получить согласие семьи (точнее, обычно это была жена или мать умершего). А вот пойти на такой шаг готовы были не все. Кому приятно осознавать, что над телом твоего близкого и родного человека будут ставить различные опыты?

И вот эту часть неприятной миссии на сей раз предстояло выполнить мне. Честно говоря, я не знал, как подойти к такому деликатному делу. Поэтому пока что просто ждал благоприятного случая.

– Мяс. – Из небольшой, полностью герметичной клетки, находящейся возле моей койки, раздалось мяуканье.

Это проснулся Рыжий. Сегодня ему тоже отводилась своя роль, и он совсем не зря оказался на нашем батискафе, но пока, позвольте, я про него промолчу. Разве что, так сказать, для общего впечатления, скажу, что это был самый обычный рыже-белый кот среднего размера. Он был приучен к специальной клетке, в которой сейчас и находился, поэтому особо не переживал и лежал в ней вполне спокойно, но вот время от времени ему очень хотелось пообщаться, и вот тогда будьте пожалуйста любезны поговорить с ним хоть немного. Тогда Рыжему становилось намного веселее и, наговорившись, он с удовольствием снова ложился подремать.

Погружение до нужного нам места занимало двадцать девять часов семнадцать минут. Все было рассчитано до мелочей. В каютах наших гостей даже стояли таймеры, отсчитывающие время в обратном порядке.

Наши гости вели себя тихо и спокойно. Жена погибшего аквалангиста несколько раз приходила ко мне в капитанскую кабину и просто сидела рядом. Она явно не хотела ни о чем говорить, но и находиться в полном одиночестве ей было ужасно трудно. Я не возражал, а молча сидел рядом, продолжая следить за приборами. Время от времени я делал для нее чай, который она с благодарностью принимала, но потом снова погружалась в свои мысли, продолжая сидеть, невидящим взором глядя в иллюминатор.

С нами были еще ее дети: юноша двадцати двух лет и дочка – семнадцатилетняя. Они тоже вели себя тихо, но в их поведении я не мог заметить такого сильного горя и отчаяния, как у их матери. Мальчик всего пару раз выходил из своей каюты, заглядывал к маме, а потом молча уходил. Девушка выходила всего один раз.

Что ж, каждый переносит горе по-своему, и не мне судить кого бы то ни было. Я и сам не представляю, как бы вел себя в данной ситуации. Мне было очень жаль погибшего аквалангиста, я очень сочувствовал его семье, но что я мог поделать? Только продолжать выполнять свою работу, попытавшись обеспечить живым максимально возможный комфорт.

Да, кстати, я толком не рассказал о своем помощнике. Его зовут Павел.

Ему сорок шесть лет, он небольшого роста, но крепкого телосложения, с коротко стриженными волосами и серыми, даже, точнее, стального цвета глазами. Он весьма неразговорчивый, но очень надежный человек.

Мы плаваем с ним в связке вот уже пятый год и вполне довольны друг другом, к тому же, несмотря на довольно долгие погружения, мы очень редко находимся рядом. Казалось бы, батискаф – всего два человека, как не составить друг другу компанию? Но нет.

Пост Павла располагается в нижней части батискафа, откуда он следит за работой механизмов. Мое же место находится несколько выше, как я уже упоминал, в капитанской кабине. Так сказать, он работает в подвале, а я в самом доме.

Вот, в общем-то, и всё, что я могу рассказать про Павла.

До места назначения оставалось менее получаса, и вот тогда у родственников начали сдавать нервы. Все вышли из своих кают, стояли или бродили как неприкаянные в ожидании ужасной картины. Я специально закрыл иллюминаторы, обращенные в сторону места трагедии, чтобы хоть немного подготовить детей и жену к предстоящей встрече.

– Я понимаю, насколько это возможно, как вам сейчас тяжело. Жизнь очень странная штука, и у каждого она проходит по-разному. Ваш муж был замечательным и очень смелым человеком. Далек не каждый отваживается на такую работу.

Я старался говорить как можно спокойнее и мягче, но голос все же выдавал мое волнение. Может быть, это волнение как раз и помогало, так как позволяло и жене, и детям думать, что я сейчас нахожусь в такой же стрессовой ситуации, что и они. И это было совсем недалеко от истины. Только кроме переживаний за погибшего сюда примешивались еще и переживания

о предстоящей работе. Я всё говорил и говорил, пытаюсь хоть как-то их отвлечь и в то же время подготовить.

Наконец мы прибыли на место и остановились. Все собрались у закрытого иллюминатора. Сюда же подошел и Павел. Мне вполне могла понадобиться его помощь.

– Ну что ж, настала минута вашей последней встречи. – Фраза, которую я так долго продумывал и готовил, теперь показалась мне примитивной и напыщенной. Но сказанного не воротишь. – Вы можете с ним попрощаться.

Я нажал кнопку, и иллюминаторы медленно открылись. Я следил за женой, а не за происходящим снаружи, поэтому мгновенно сумел среагировать и подхватить медленно оседающую на пол женщину. Из ее груди вырвался стон скорби, а из глаз потекли слезы.

Краем глаза я видел, что девочка отвернулась, а парень застыл с изумленно раскрытым ртом. Я не буду описывать то, что они увидели. Картину, представшую перед их глазами, всего одной фразой описала жена погибшего, когда смогла говорить:

– И это все, что от него осталось?

Вопрос не требовал ответа. Я помог женщине присесть, но иллюминаторы пока не закрывал.

Настал самый трудный и ответственный для меня момент, столь важный для работы многих наших ученых, а по сути, и для всего человечества. Мне нужно было добиться согласия на эксперименты с телом погибшего.

– Он совершенно не мучился, смерть была мгновенной, – начал я. – Наверное, многие бы желали умереть вот так, сразу. Без мучений, без болезней...

Женщина плакала, закрыв лицо руками. Сын встал позади нее и положил ей руку на плечо. Дочка присела рядом и положила голову ей на колени. Когда я взглянул на них, мне самому захотелось расплакаться.

– Сейчас мне нужно спросить вас об одной очень важной вещи... – Я немного помолчал, подождав, пока мои слова произведут должный эффект. Когда они посмотрели на меня, я продолжил: – Чтобы не только жизнь, но и смерть вашего мужа и отца не оказалась напрасной, пожалуйста, разрешите ученым исследовать его тело после смерти. Разрешите использовать его тело для экспериментов.

Как только в глазах женщины сверкнул гневный огонек, я снова быстро заговорил:

– Я гарантирую, что никто не будет делать с телом хоть что-то аморальное и противное человеческой природе. Но мы должны стремиться к новым знаниям, должны идти дальше, а без новых экспериментов и наблюдений что мы сможем сделать? Может быть, вновь приобретенные знания помогут предотвратить новые жертвы, научат нас успешно бороться с давлением воды, сделать более надежными скафандры и акваланги.

Речь о возможных новых жертвах погасила гневный огонек в глазах женщины. Она закрыла лицо руками. Затем, некоторое время спустя, она отняла руки от лица и внимательно посмотрела на меня.

– А вы сами бы отдали своего родного человека на такие эксперименты?

– Да, – не задумываясь, ответил я.

И это была чистая правда. Почти всю жизнь я провел среди ученых, в среде различных исследований, открытий. Я бы и свою жизнь не пожалел ради чего-то нового и неизведанного, поэтому мой ответ был совершенно искренним.

– Тогда я соглашусь, – тихо ответила она, опустив глаза.

Сын слегка сжал ее плечо, видимо, таким образом выражая свое согласие, а дочка стала гладить мамино колено.

Что ж, самая трудная часть миновала. Павел тихо подошел ко мне, протягивая папку. Я быстро открыл нужную страницу договора.

– Вынужден еще побеспокоить вас: здесь нужно подписаться. Без этого ваше согласие не будет иметь законной силы. Если вы действительно решились, подпишите этот договор, и больше никто вас с этим делом не потревожит, обещаю. – Я протянул ей договор и ручку.

Женщина невидящим взором посмотрела на текст и подписала. Вот на этом месте я очень бы хотел облегченно вздохнуть, но со стороны это выглядело бы неуместно.

– Наверное, мне лучше бы закрыть иллюминатор, – сказал я, протягивая руку к кнопке, но женщина жестом остановила меня.

– Дайте мне еще хоть немного побыть с ним, – тихо прошептала она.

Я остановился и незаметно кивнул Павлу. Тот вышел. Теперь нам оставалось только ждать. Но сколько? Времени у нас было не так много.

И вот сейчас мне нужно поведать вам самое неприятное, что произошло и из-за чего было так много волнения и переживаний, причем не только у меня, но и у людей наверху, которые с огромным нетерпением ждали нашего возвращения. Ведь нам нужно было успеть...

А впрочем, об этом чуть позже.

– Пожалуйста, давайте я хоть ненадолго прикрою иллюминатор, чтобы вы могли в тишине и спокойствии посидеть хоть немного. Если захотите, потом я открою его снова и оставлю так до конца нашего подъема. Отдохните чуть-чуть. Поверьте, вам немного станет легче.

Женщина подумала, подумала и кивнула. Это был решающий момент. Шторка медленно поползла вниз, а я мысленным взором видел, как Павел, уже взявший кота из моей каюты и надевший скафандр, стоит и ждет у выхода наружу. Он все слышал, что происходило у нас, и ждал только сигнала.

«Отдохните чуть-чуть, вам станет легче», – это кодовая фраза. После нее Павел открывает люк и выплывает наружу. Несколько гребков, и он уже у погибшего аквалангиста. Несколько манипуляций руками – и в клетке открывается специальный клапан. Его практически невозможно разглядеть, но все должно сработать, все должно получиться.

Наверняка сейчас кот жалобно замыкал. Прости меня, Рыжий, не знаю, что будет с тобой – может быть, все для тебя закончится хорошо, но, к сожалению, никто этого не знает. Пока что не знает.

Судя по времени, Павел уже должен был вернуться. Но мне нужно убедиться, что он уже здесь. Родственники не должны ничего видеть. Иначе лишних объяснений нам не избежать. Но вот в проеме люка появляется слегка взлохмаченная голова Павла, кивает мне и снова скрывается внизу. Дело сделано.

Я спрашиваю женщину, не передумала ли она, нужно ли ей снова увидеть эту неприятную картину. Она кивает. Что ж, теперь иллюминаторы будут открытыми до самого возвращения.

Но женщина просит пока не начинать подъем – если можно, она хочет побыть здесь еще немного. Я соглашаюсь и покидаю их, давая возможность всей семье побыть без посторонних глаз.

Минут через двадцать они заходят ко мне – можно подниматься. Я говорю какие-то слова утешения и даю команду на подъем. Миссия закончена. Дело сделано. Теперь осталось только подняться. А там... Там уже дело за учеными.

Не знаю, попадется ли вдове этого аквалангиста когда-нибудь текст договора, что она подписала. Все зависит от дальнейшего хода событий, история рассудит. В таком состоянии она могла не заметить маленький нюанс, небольшую хитрость: в договоре была всего одна очень

нужная ученым фраза: «Я разрешаю производить эксперименты с телом моего мужа и всем, что с этим телом связано». Вот это «связанное с телом» и было самым главным.

Никто не знал, насколько люди вообще готовы соглашаться на такие эксперименты, поэтому-то и пришлось идти на уловку. Я сам корил себя за это, но понимал, что по-другому могло и не получиться, а делать что-то надо было. Время уходило. На всё про всё после смерти человека у нас было всего девять дней. И они истекали сегодня.

Я не ученый, я знаю об этой проблеме только из их уст, а в подробности они меня не собирались посвящать. Но попробую объяснить, как я это понял.

Итак, наши исследователи обнаружили, что после смерти человека в воде этой планеты тело сохраняет некую субстанцию, которую, за неимением ничего лучшего, назвали душой. Да, душа из-за бешеной тяжести воды или из-за каких-то других ее свойств не могла покинуть погибшее тело. Она оставалась в теле ровно девять дней, после которых медленно угасала (или же каким-то образом растворялась, не знаю). Вот уже год ученые бились над тем, как эту душу вытащить и забрать, и только месяц назад решение было найдено.

Оно было весьма спорное, но другого на тот момент не было. Душа могла быть перемещена только в другое живое тело. Это и стало камнем преткновения. Ведь никто не знает, что станет с тем, к кому перемещается новая чужеродная душа. Можно ли в таких условиях рисковать человеком?

Решение пришлось принимать почти мгновенно. Случайная смерть аквалангиста оказалась весьма кстати – что же еще нужно было для эксперимента? Тело. Но где его взять? Не использовать же лабораторных крыс. Вот этого никакие родственники точно не простят. Решено было использовать кота. И тут у Рыжего появилась возможность прославиться. Вряд ли он очень ей рад, но его об этом никто не спрашивал.

Теперь дело сделано. Подъем идет своим ходом. Семья в полном составе сидит в каюте матери. А я сижу и смотрю на заметно притихшего Рыжего и думаю о том, получилось ли у нас, будет ли результат и какие еще сюрпризы сможет нам преподнести эта водная планета.

Рассказ прочитан. Но я всё сижу и смотрю на искусственный огонек камина, который завораживает и создает иллюзию «настоящности».

Возможно ли такое? Кто придумал этот вариант переселения? Ребенок? Взрослый? Вася говорил, что все авторы закодированы и идут только общим списком – так, чтобы непонятно было, кто и что из них писал. Это сделано для того, чтобы читатели не относились к рассказам предвзято. Ведь если известно заранее, что писал ребенок, то читающий взрослый будет воспринимать «детский лепет» совсем с другой позиции, как бы свысока. И совсем другое дело, если бы ему сказали, что рассказ написан профессором, академиком, великим мыслителем и тому подобное.

Первое впечатление: рассказ написан в старой советской стилистике. Мне всегда нравились такие приключения – может быть, это также сыграло свою роль. Рассказ мне понравился. Но каким бы ни был сюжет, содержание показалось мне немного сказочным и нереальным. Прояснить ситуацию я попросил Васю. Тот подтвердил мои предположения: ничего подобного пока что никто не придумал и даже в ближайшем обозримом будущем подобных открытий не предвиделось. И это несмотря на то, что путешествия к другим планетам уже стали обыденными.

С одной стороны, стало грустно, что такого интересного переселения не могло получиться, а с другой – на мой взгляд, лучше бы переселяли «душу» не в другое живое существо, а в какой-нибудь неживой предмет, может быть, даже искусственное тело. Вот так перекинули душу в другое тело – и снова человек сможет жить, не тужить.

Но и с таким предположением ничего не вышло. Вася сказал, что на данный момент все вариации с переселением души – все еще удел фантастики.

«Что ж, есть над чем поразмыслить», – решил я и пошел умываться. Завтра меня обещали поднять пораньше, так как некоторые эксперименты необходимо было проводить только в первой половине дня.

Так что до завтра.

Боязнь Альцгеймера

«Боязнь Альцгеймера» смотрела на меня, заманивая прочитать. Я не долго сопротивлялся, сел на кресло и подтянул к себе ноги. Тапочки, сразу же свалившись на пол, быстро спрятались под креслом.

«Ну что ж, посмотрим», – я мысленно потер руки и приступил к чтению.

Сообщение застигло меня прямо в разгар сессии. Середина января, все праздники уже позади, большинство зачетов тоже. Оставалось сдать всего три экзамена, и тут...

«Приезжай скорее. Меня забирают. Дедушка остается один. Я постараюсь свя...»

Такое отрывистое и незаконченное сообщение, пришедшее на телефон, сразу выбило меня из колеи. На завтра был назначен экзамен по философии. Но о какой философии могла идти речь, когда получаешь такое послание?

Раздумывать было не над чем. Для меня семья всегда значила больше, чем какие-то экзамены или возможные отчисления из университета. Но просто все бросать и уезжать, никому ничего не сказав, было не в моих правилах.

В деканате пошли мне навстречу и разрешили досдать все «хвосты» в следующую сессию. Во многом помогло то, что я всегда был на хорошем счету, и большинство педагогов легко перенесли для меня экзамены по своим предметам. Так что не прошло и трех часов, как я уже направлялся к станции.

Университет находился в пригороде, в очень живописном месте у большого озера. Считалось, что удаленность от больших городов помогает студентам лучше сосредоточиться на занятиях. Вполне возможно, так оно и было. Во всяком случае, мне атмосфера университета нравилась. И после летних каникул я всегда с радостью возвращался в лоно науки.

Билет я заказал еще из общаги, так что теперь оставалось только успеть на нужный поезд. Пришлось, однако, сильно поторопиться, а в конце пути даже пробежаться. Из-за меня поезд никто задерживать не будет, а не успеть к отправлению сейчас означало отложить поездку до утра. Дело в том, что университетская станция не была особо популярна: только в начале и в конце учебного года народ валил к поездам и от них толпой. Но когда всё утрясалось, педагоги и студенты загружали университет до краев, поток пассажиров иссякал. В это время редкие составы останавливались на нашей станции. Вот поэтому мне пришлось торопиться.

Колеса мягко шли по рельсам – стыковочные соединения «антистук» делали свое дело. Если закрыть глаза, то только легкое покачивание могло подсказать, что ты не сидишь на месте, а несешься с огромной скоростью куда-то вдаль.

Я любил путешествовать поездом. Любил смотреть в окно, лежать на верхней полке... Но не сейчас.

Тревожные мысли не давали покоя. Я пробовал перезвонить матери, но безуспешно, ее аппарат был отключен. Звонить домой я боялся. Кроме мамы, дома оставался только мой дедушка – ее отец. Но у него было серьезное расстройство памяти и нарушение функций мозга.

Точно не берусь сказать, но, насколько я помнил из маминых объяснений, он страдал чем-то вроде деменции или болезни Альцгеймера. Было ли это одно и то же, или болезнь Альцгеймера была одним из видов деменции, я не знал. Честно говоря, и не хотел вникать в подробности. Ни биология, ни медицина меня никогда не привлекали. Для меня важно было то, что дедушка серьезно болен. А в чем состояла болезнь, было видно невооруженным взглядом.

Дедушка сильно сдал за последние четыре года. Это уму непостижимо! Всего четыре года – и от активного, жизнерадостного, остроумного и веселого человека ничего не осталось.

Он превратился в старую развалину, которая только и могла, что сидеть и пялиться в телевизор. Да и тот порой включать было необязательно.

Насколько я помнил, все началось с того, что дедушка стал забывать некоторые вещи: завтракал он сегодня или еще нет, что показывали по телевизору несколько минут назад, куда положил свои новые носки и все в таком роде. Первое время все сводилось к шуткам: «вот и старость подкатила», «маразм крепчал», «скоро я уже не вспомню, где у нас находится туалет». Так дедушка шутил, а я лишь посмеивался в ответ и говорил, что я и сам порой мог о чем-нибудь задуматься и позабыть то, что смотрел пару минут назад, или что мне сказали сделать еще утром. Дедушка грозил мне пальцем и улыбался. Только мама не смеялась.

Я думал, что у дедушки примерно то же самое и не придавал этому значения. Но вскоре стало понятно, что мелкой забывчивостью здесь дело не ограничится. Когда в холодильнике стали появляться ботинки и тапочки, а колбаса и хлеб уютно расположились на полках для обуви, когда газовые вентили у плиты оказывались открытыми, а дедушка спокойно сидел и смотрел телевизор, важно попыхивая трубкой – вот тогда мама забила тревогу.

Моя мама, доктор наук, как раз занималась изучением подобных заболеваний. Уже несколько лет, насколько я знал, в корпорации, на которую она работала, изучались различные методы улучшения работы мозга. В частности, последний год был посвящен большому проекту, в котором мама принимала самое непосредственное участие: если не ошибаюсь, она отвечала за научную базу.

Я во все это не вникал, поскольку специализировался совсем в другой области. Во время каникул, когда я работал в домашней библиотеке, мне часто попадались на глаза мамины заметки, где я видел какие-то странные, порой забавные слова вроде «бабезия», «филяриатозы», «трипаносомы». Только один раз я попробовал поинтересоваться, кто же это такие. Но когда мама мне ответила, что это всякие червяки и паразиты, я сразу потерял ко всем этим необычным названиям интерес.

Может быть, благодаря своей работе, а может, просто потому, что мама не любила ничего откладывать в долгий ящик, уже через пять дней дедушка прошел полное обследование. Результаты оказались неутешительными. Нейродегенеративные процессы развивались в мозгу с поражающей быстротой. В большинстве случаев болезнь протекала не так быстро. Больной мог прожить десяток лет, постепенно теряя память, интеллектуальное развитие и мыслительные способности. В таком случае изменения в мозгу больных проходили почти незаметно. Только если не видеть человека лет пять, можно было оценить весь масштаб произошедших с ним изменений. И лишь в самом конце нарушения становились столь серьезными, что бросались в глаза каждому.

С дедушкой все происходило несколько иначе. Он очень быстро начал сдавать. Всего через год его уже нельзя было оставлять дома одного. И незакрытый газ оказался далеко не самой страшной угрозой. Дед в любой момент мог пойти в ванную и включить воду, попробовать выйти в окно, разложить все продукты из холодильника по комнате, оставив его незакрытым.

Так как мама работала, а я учился, за дедушкой присматривала нанятая медсестра. Она следила за приемом нужных препаратов, кормила его и следила за тем, чтобы с ним ничего не случилось.

Первые два года дед оставался активным, много передвигался, все время хотел что-то делать. У него часто менялось настроение: иногда он ходил и ворчал, недовольный всем, что попадалось ему на глаза, а порой садился и подолгу грустно смотрел в окно. Вскоре его жажда жизни стала угасать. Энергия практически иссякла, и на данный момент он вел практически растительный образ жизни.

Когда я уезжал – а было это в самом конце августа, – дедушка уже ничего и никого не узнавал, только сидел или лежал в специальной антипролежневой кровати. Кровать была удобная,

многофункциональная. В нее был встроен анализатор положения тела больного, и она могла менять свою конфигурацию в тот момент, когда ее компьютерные мозги решали, что пришло время перераспределить давление тела на поверхность кровати, чтобы избежать пролежней. Кровать легко трансформировалась в удобное кресло, с которого больной при всем желании не мог сползти или вывалиться. В общем, она оказалась очень удобной вещью.

Теперь нам не нужна была сиделка. Мама кормила деда утром, уходила на работу, а оттуда следила за ним по вебкамерам. В случае чего она всегда могла добраться до дома буквально за пятнадцать-двадцать минут. Благо, огромный исследовательский комплекс располагался неподалеку от жилого квартала сотрудников.

Все тяжести дедушкиного состояния легли на хрупкие плечи мамы, но она не сдавалась. Как я понял, мама питала какие-то надежды на то, что исследования на ее работе в будущем помогут изменить динамику болезни отца в положительную сторону, но что конкретно она могла предпринять, я не представлял.

Если я правильно понял, болезнь Альцгеймера не только отнимала интеллект, она еще и убивала человека. А учитывая то, как быстро изменился дедушка, я понимал, что жить ему оставалось недолго.

Сейчас я ехал домой, перебирая в голове все самые страшные мысли, но ничего конкретного придумать не мог. Больше всего меня беспокоила невозможность связаться с мамой.

Такого никогда не было. Даже во время самых серьезных экспериментов ее телефон всегда был включен, и если уж она сама не могла ответить, отвечал кто-то из ее ассистентов.

Одиннадцать часов езды, и вот я стою на станции. Быстрая перебежка – и экспресс катит меня в исследовательский городок. Корпорация заботилась о своих сотрудниках, и бесплатный проезд всех проживающих в этом городке от станции был одним из бонусов.

Я не зашел, а взлетел на четвертый этаж (никакой лифт не мог бы сравниться со мной в скоростном подъеме или спуске) и направился к квартире. Первый же взгляд на дверь показал – что-то случилось. Она была незаперта. Я подошел и рывком распахнул дверь. В нос сразу ударил какой-то непонятный запах. «То ли прелая земля, то ли какие-то химикаты», – подумал я и вошел внутрь.

Квартира у нас была средних размеров, всего три комнаты – две больших и маленькая, да кухонька. В маленькой обитал дед. Ему много места и не требовалось. В этой комнате стоял телевизор, столик для еды и кровать.

Одна из больших комнат была мамина, другая – моя. В моей не было ничего интересного, только компьютерный столик (конечно же, с компьютером), телевизор, кровать, шкаф с вещами. А вот мамина комната была очень даже примечательная: половину занимала самодельная импровизированная лаборатория. Длинный широкий верстак занимали различные колбы, реторты, препараты, баночки, скляночки, пузырьки, пробирки... всего и не перечислишь. К этому верстаку мне строго-настрого было запрещено подходить. Я и не пытался. Только разглядывал порой все это богатство издали и мысленно представлял себя великим алхимиком, смешивающим все эти странные и загадочные жидкости и смеси.

В маминой комнате, помимо кровати и шкафа, стоял массивный секретер, в котором она хранила важные бумаги и записи. Впрочем, несмотря на всю солидность и возможность быть запертым на ключ, секретер никогда не закрывался. Мама всегда доверяла мне, а я всегда оправдывал ее доверие.

Когда я вошел, то первым делом заглянул в дедушкину комнату. Там все было так, как и в августе, ничего не изменилось. Я поприветствовал деда. Он, как обычно, лежал на своей кровати, задумчиво изучая потолок. Значит, меня вызвали не поэтому. Поправив одеяло, я пошел осматривать квартиру.

Мельком оглядев свою комнату и убедившись, что и там ничего не тронут, я направился в мамину. И вот тут меня как по голове стукнули – секретер был открыт. Бумаги, разбросанные внутри, создавали полный хаос. А ведь у мамы всегда был идеальный порядок.

Но самое страшное: домашняя лаборатория – ее больше не было. Остался только верстак. Ни одной чашки Петри, ни одной завалящей колбочки или баночки, все исчезло подчистую.

Я в шоке остановился посреди комнаты, не понимая, что же теперь делать.

Неожиданно на кухне включилась вода. Этот звук вывел меня из ступора, и через несколько секунд я уже стоял и смотрел на высокого худого мужчину в белом пиджаке и черных джинсах.

– Привет, – ничуть не смутившись, тут же сказал он, когда увидел меня.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга.

– Извини – я не смог закрыть дверь. У вас сложный замок. – Мужчина обезоруживающе улыбнулся.

Мой первый порыв – бежать или защищаться – прошел. Я понял, что гость не был виновником беспорядка в маминой комнате.

– Здравствуйте.

В голове по-прежнему вертелся вопрос: «Что вы тут делаете?», но в нем чувствовалась какая-то банальщина, и я промолчал.

– Не сомневаюсь, что ты удивлен, – тихим спокойным голосом сказал человек. – Давай-ка выпьем чаю, я постараюсь тебе все объяснить.

Не дожидаясь моего ответа, он повернулся к плите и включил, вероятно, только что набранный чайник. Пока вода закипала, мы молча стояли, не зная, куда девать глаза. Просто смотреть друг на друга вроде было неприлично, и, когда мне надоело ничего не делать, я сел на табурет, прислонившись к стене плечом. «Раз уж этот человек ведет себя здесь как хозяин, то пусть пока и хозяйничает» – я был так растерян, что махнул рукой на все правила гостеприимства.

Мужчина заглянул в один шкафчик, затем в другой, достал заварку и насыпал ее в чайник. Вода закипела. Он поставил чай завариваться, затем приготовил чашки и сел напротив меня. То, как он действовал, говорило о том, что он здесь впервые. Во всяком случае, не все нужные предметы он отыскал сразу.

– Так, давай попробую по порядку, – начал он, положив длинные тонкие руки на стол и скрестив пальцы. – Я работаю – или работал, даже не знаю, как сейчас правильно сказать – с твоей мамой. Меня зовут Андрей Павлович Карягин.

Я кивнул, но ничего не ответил.

– Понимаю, тебе сейчас несколько неуютно, но постарайся воспринять все, что я сейчас скажу, хладнокровно. Эмоции лучше приберечь на потом. Тебе еще придется некоторое время ухаживать за бабушкой, прежде чем вся ситуация разъяснится.

«Неужели что-то с мамой?», – паническая мысль стала биться в голове, пытаюсь вырваться наружу в виде каких-то эмоциональных проявлений, но я сумел удержать себя в руках.

– Подожди, давай-ка я все же сначала налью нам с тобой по чашечке чая. Когда есть чем горло промочить, всегда как-то полегче.

Андрей Павлович встал и легкими размеренными движениями быстро и с ювелирной точностью разлил чай по чашкам. «Небось, провизор какой-нибудь», – усмехнулся я про себя.

– Тебе сколько сахара? – обратился он, не оборачиваясь.

– Три ложки, – хрипло ответил я.

Он так же ловко отмерил нужное количество сахара, и через полминуты мы снова сидели друг напротив друга, но теперь между нами дымился свежий, приятно пахнущий чай.

– Я ассистировал твоей маме во многих проектах и исследованиях. У нас хорошая, сплоченная команда, так что ты не волнуйся, мы тебя не бросим.

Начало мне совсем не понравилось. Мужчина продолжал:

– Я понимаю, что ее подвигло на такой шаг, но правила есть правила. – Он умолк.

Эти слова ничего мне не разъяснили, и я уставился на гостя непонимающим взглядом.

– Извини, я не мастер говорить, а уж тем более объяснять, но у нас говорят, что я спокойнее всех и достоин большего доверия. – Он усмехнулся, затем продолжил после небольшой паузы: – Ты, наверное, слышал, что в нашем отделении проводятся исследования по изучению работы головного мозга... его болезней, аномалий и тому подобное?

Андрей Павлович посмотрел на меня. Я кивнул.

– Так вот, последние четыре года, после того, как твоя мама увидела, что происходит с бабушкой, она взвалила на себя болезнь Альцгеймера. Образно говоря, – тут же поправился он. – Однако не забывай, что и до нас ученые уже давно бьются над данной проблемой, и пока результаты не особо обнадеживают. Твоему дедушке тоже проводили стандартное лечение. И вот твоя мама неожиданно пошла по другому пути. Я не знаю, откуда у нее появилась информация... как ей вообще в голову пришла такая мысль... но суть в следующем: существует очень мелкий вид червей-паразитов, которые могут легко проникать через кожу человека, попадать в кровоток, а оттуда в легкие. Серьезного урона организму они не наносят, но помогают ему включить дополнительные внутренние резервы. Уже появились проекты, которые планировали использовать данных червей для повышения иммунной системы людей, но... Твоя мама сумела обнаружить, что существует родственный вид этих червей, который может обеспечить восстановление нейронных связей в головном мозге! Причем ареал их распространения ограничен небольшой группой тропических островов. Твоя мама просила направить ее туда в командировку, а когда начальство отказало ей, отправилась туда за свой счет! И, как оказалось, не зря. Этой разновидности паразитов мы дали название антоканы.

– Мм, а как... – Я пытался сформулировать свой вопрос.

– Ты не понимаешь, как паразиты в состоянии излечить болезнь? – Андрей Павлович вдохновенно начал объяснять: – Дело в том, что при данном заболевании в тканях мозга накапливаются бляшки и нейрофибриллярные клубки, которые и препятствуют... – Он остановился, увидев мой непонимающий взгляд. – Впрочем, это неважно. В общем, проблема состояла в том, что антоканы не собирались делать за нас какую-то работу. У них все просто: залез в организм – и живи в нем в свое удовольствие и на радость своим потомкам. Так что это не акт доброй воли с их стороны, а естественный процесс. Итак, мы извлекали мозг только что умерших животных (на живых, как ты понимаешь, нам запретили опыты проводить) и внедряли туда антоканов. Поначалу результат были впечатляющий, но затем они начинали плодиться так, что заполняли собой весь мозг, а затем погибали из-за недостатка питательных веществ.

Мужчина явно разволновался. Эта идея, которую они наверняка давно разрабатывали, все еще будоражила их умы.

– Так они что, мозгом питаются, что ли? – удивился я.

– Нет. Теми же питательными веществами, что и мозг, то есть глюкозой и так далее. Наша задача была создать таких червей-антоканов, которые будут заменять поврежденные участки мозга собой, восстанавливая таким образом нейронные связи и в то же время не подменяя собой уже имеющиеся здоровые клетки. Такой вот симбиоз получается. Организм их кормит и дает спокойно жить, а они за это налаживают нейронные связи и, соответственно, работу мозга. Почти два года мы бились над этой проблемой. Тут и генная инженерия, и онкоцитология пошли в ход. Мы провели сотни экспериментов, но ничего не получалось. Всегда что-то шло не так. То антоканы оказывались нежизнеспособными и погибали даже быстрее, чем зараженные участки мозга, то плодиться они начинали бесконтрольно и уничтожали сами себя. То продукты их жизнедеятельности не получалось вывести из организма, отчего начиналось

заражение... – Он замолчал, отхлебнул слегка подостывший чай и, собравшись с духом, продолжил: – Пару недель назад у нас получилось вывести стабильную группу антоканов. Всего одну – там от силы сотня особей, а ведь ты можешь представить: если они такие мелкие, что легко проникают через кожу, не повреждая ее, то даже сотня этих существ поместится, как говорится, на острие иголки. Эксперимент с ними только начат, получены лишь предварительные результаты. Что там можно увидеть всего за пару недель? Но...

Он опять замолчал. Я смотрел на него и ждал продолжения.

– Но что-то случилось? – попробовал я вернуть его из задумчивости.

– Да. Дело в том, что твой дедушка находится на грани смерти. Все исследования показывали, что ему недолго осталось. И поэтому... твоя мама не выдержала. Она вынесла из лаборатории небольшой образец мозга свиньи, в котором жила на тот момент самая стабильная и перспективная группа антоканов. Скорее всего, как мы понимаем, она хотела внедрить их твоему дедушке в мозг. А вот дальше... Словом, служба внутреннего расследования пришла к однозначному выводу, что образец похищен именно ею. А это, знаешь... очень серьезно. Во-первых, она похитила собственность корпорации. Во-вторых, утрачен результат длительных и дорогостоящих экспериментов. Хотя у нас и нет доказательств, что она успела ввести этих антоканов твоему дедушке. Но если ввела, то тогда появляется «и в-третьих»: проведение экспериментов над людьми без их согласия и без должных клинических и лабораторных исследований – это серьезное преступление.

– Но ведь вы сами говорите, что дедушке в любом случае грозила смерть?! – удивился я.

– Да, но для крючкотворов, сидящих в юридическом отделе, это никакой роли не играет. Для них буква закона важнее человеческой жизни. – Андрей Павлович пожал плечами. – В общем, твою маму забрали. Пока она находится под присмотром службы безопасности корпорации, но что будет дальше, сказать пока сложно. Вся работа, которая проводилась последние три-четыре года, теперь может пойти насмарку. Ты понимаешь, чем это грозит, сколько денег было угрохано на этот проект? Сотни лаборантов, исследователей, ассистентов работали над данным проектом – и все это было зря? Утеряны конечные результаты или нет, как теперь узнать? Твоя мама пока все отрицает. Но как долго это может продолжаться? Тем более что доказательства налицо. Она лично просила меня приглядеть за тобой. Это ведь она тебя вызвала?

Я кивнул.

– Хорошо. Вот здесь, – откуда-то из-под стола он достал серую папку, – она отметила основное... ну, как нужно ухаживать за дедушкой на данный момент. Тут все расписано, ничего сложного.

– Я могу увидеться с мамой? – спросил я, принимая в свои руки тетрадку и рассеянно ее листая.

– Пока нет. На время расследования никаких контактов. Даже я не могу к ней пробиться. Так что придется подождать. – Он поднялся. – Я понимаю, слишком много информации для тебя. Но постарайся все хорошенько осмыслить. Главное, не пугайся, все образуется. Дедушку сегодня уже кормили. Так что спокойно отдохни, а я завтра загляну к тебе.

Он протянул мне руку. Я машинально пожал ее. Андрей Павлович вышел, оставив на столе недопитую чашку чая. Видать, этот разговор был для него так же тяжел, как и для меня.

Закрыв за ним дверь, я медленно прошелся по квартире. Постоял рядом с дедушкой, посмотрел на его безжизненный взгляд и пошел в мамину комнату. Слезы пытались вернуться на глаза, но мне удалось собраться с духом.

Я провел по гладкой полированной поверхности верстака рукой – как чисто и как непривычно. Затем направился к секретеру. Оставлять здесь разруху не хотелось, глаза просто болели от такого безобразия. Я принялся складывать бумаги, мельком просматривая их.

Ничего полезного – во всяком случае, для меня. Какие-то счета, реквизиты, выписки о различных болезнях.

Отрешенно раскладывая все по полочкам и старательно выравнивая бумажные ряды, я старался успокоиться. Когда все было разложено, я присел на деревянный стул, всегда стоящий рядом. Теперь на дело моих рук было приятно посмотреть, но только сейчас я заметил, что несколько листиков выбиваются из общей группы. Я попробовал поправить их, но с тем же результатом. У задней стенки явно что-то мешало.

Мне пришлось вытащить всю кипу, чтобы добраться до деревянной поверхности задней стенки. Ничего особенного я не увидел, но, проведя пальцами по дереву, почувствовал некоторую неровность. То ли обшивка от влажности вспухла, то ли это был какой-то дефект конструкции. Я нажал на выпуклость, попробовав выровнять ее таким образом, но ничего не произошло. Я нажал посильнее – раздался легкий щелчок. «Ну вот, сломал», – подумал я.

От правой боковины отделилась тоненькая пластинка, образуя небольшую щель. Я подумал, что дерево отслоилось, но нет, в щели что-то белело. Кое-как подцепив белый кусочек бумаги пальцами, я сумел вытащить тонкую тетрадь. Затем нажал на пластинку, и та снова встала на место, как родная.

Удивленный, я перевернул первую страницу. Она была вся исписана мелким маминым почерком. Но почему мама скрывала эту тетрадь? Я принялся читать и понял: это был мамин дневник – скорее, рабочий дневник: записи об опытах, которые она проводила (когда, с кем, какие получала результаты). Несмотря на то, что я хорошо разбирал мамин почерк, большая часть слов была для меня неразрешимой загадкой. Это был какой-то рабочий сленг с кучей терминов и неизвестных мне выражений. Но, несмотря ни на что, я понял одну неприятную вещь: мама слегка подкорректировала данные для корпорации.

Проблема состояла в том, что, когда положительный результат первого длительного этапа исследований будет достигнут, антоканов начнут использовать на подопытных мозгах животных, и на этом этапе ни о каком применении на людях не может быть и речи. А это означало, что, хотя мама была уверена в успехе операции, дедушка никак не сумел бы дожидаться официального разрешения на применение новой методики. Мама решила рисковать. Так выглядела последняя исписанная страница:

«Времени нет. Отцу осталось жить не больше двух недель. Этого я боялась больше всего. И он повторит историю моего собственного деда. Я не хочу, чтобы потом и мой сын разделил их судьбу. Я должна прервать эту роковую цепочку.

Последние особи в меру плодовиты и хорошо сами регулируют свою численность. По всем показателям это то, что мне сейчас нужно. К сожалению, группа только одна, около девяноста особей. Половины будет явно недостаточно. Далеко не все достигнуто намеченной цели: к сожалению, как и с людьми, по дороге с ними могут возникнуть различные неприятности. Если я возьму только часть, этого может оказаться слишком мало. Кроме того, небольшая колония даст очень неявный эффект, а это в любом случае равносильно поражению. Требуется внедрить минимум в 1,5 раза больше от расчетного количества – слишком большой участок мозга поражен. Пока результат станет очевиден, пройдет не одна неделя.

Сегодня я введу антоканов отцу прямо в кровь, это позволит им быстрее проникнуть в нужное место и начать работать. Не уверена, какую артерию выбрать: сонную или основную. Скорее все-таки сонную.

Проблема в том, что нельзя оставлять следов. Если специалисты из корпорации увидят, что я ввела антоканов отцу, они заберут его, а тогда никакой нормальной жизни, даже после выздоровления, он уже не увидит, всю жизнь проведет в лабораториях. Помимо прочего, подобное вмешательство без официального согласия больного – серьезное нарушение. Меня в любом случае, скорее всего, заберут и лишат лицензии...

Сегодня же вызову сына. Пусть придет, присмотрит за бабушкой.

Итак, сонная или все же основная...

11 ч 23 мин»

На этом запись обрывалась. Лист кончился, а новый она не стала начинать. Видимо, почти в то же время мне пришло сообщение. Я полез в телефон, открыл письмо и проверил: четверг, одиннадцать двадцать шесть, всего три минуты прошло. Могла ли она успеть справиться? Не факт.

Я прошел к деду. На улице темнело, так что пришлось включать свет. Стало немного повеселее, но в данной ситуации... И в бабушке ничего не изменилось.

Осмотрев его шею, я никаких следов уколов не заметил. Самое плохое, что я и не знал толком, где смотреть. Насколько я помнил из школьной программы, артерии просто так увидеть сложно, это вены торчат на всеобщее обозрение. Или я опять ошибаюсь?

Я потратил на осмотр бабушкиной шеи минут двадцать, но так ничего и не обнаружил. «Неужели она не сумела их ввести? Видимо, нет. Люди из корпорации ведь не дураки, они наверняка все обследовали получше, чем я».

Решив, что утро вечера мудренее, я отправился спать. А что еще можно было сделать? Пока ничего.

Надо попробовать связаться с родственниками по отцовской линии: может, у них есть хороший адвокат или кто-то, разбирающийся в законах. Или просто имеющий влияние, чтобы вытащить маму из западни.

Как только я лег, глаза сами закрылись – слишком уж длинным оказался этот день. Ночь прошла без сновидений.

Утром пришел Андрей Павлович. С ним пришло еще человек пять – это были ассистенты помоложе, может быть, даже практиканты. Мы представились друг другу. Среди вновь пришедших был только один мужчина.

Они решили организовать как бы шефство надо мной. Женщины обещали помочь с готовкой, а мужчина «с любыми другими проблемами», как он выразился. Так как других проблем, кроме вызволения мамы, у меня пока не было, я просто поблагодарил всех за участие. Женщины сразу же ринулись на кухню и шумно захлопотали там. Андрей Павлович, еще раз предложив помощь в любое время, оставил мне свой номер телефона и ушел с парнем, обещая держать меня в курсе дела.

Родственники, с которыми я пообщался после завтрака, умело приготовленного женщинами для меня с бабушкой, пока никакого положительного ответа не дали, но и отмахиваться от меня не стали, пообещав сделать все возможное. В такие фразы я никогда не верил, но вежливо поблагодарил их за заботу и повесил трубку.

Дни шли за днями, недели за неделями. Маму никак не хотели отпускать, а она по-прежнему отмалчивалась – во всяком случае, так говорил Андрей Павлович. Женщины навещали меня каждый день, помогая с готовкой и уборкой, а Карягин периодически звонил, справляясь, как у меня дела. Все шло ни шатко ни валко.

– Все же мама, похоже, так и не успела познакомить тебя с этими чудо-антоканами. Грустно, – сказал я деду перед сном и побрел к двери. – Спокойной ночи.

– Олег...

Тихий голос заставил меня застыть на месте. Моя рука, протянутая к выключателю, так и застыла в воздухе. Я медленно обернулся. Бабушка смотрел прямо на меня.

– Спо... ой но..и...

Ему не удалось произнести всю фразу, но и этого было достаточно. Я подбежал к нему и обнял. «Теперь мы обязательно что-нибудь придумаем!»

Еще много месяцев потребовалось деду на восстановление самых необходимых функций, но прогресс был налицо – интеллект постепенно возвращался. Позвонив Андрею Павловичу, я рассказал ему обо всем.

У меня оставались опасения, что деда заберут, а маму не выпустят. Но ее выпустили: не прошло и недели, как она появилась дома, причем с целой выездной лабораторией. Теперь все исследования проводились прямо у нас дома, ведь дед был теперь главным – и активно участвующим! – объектом испытания новой методики.

Антоканы работали успешно, но перед мамой теперь стояла новая задача: как вытащить из дедовых мозгов какую-то часть этих зверюг, чтобы можно было их расплодить и использовать для лечения других людей. Думаю, она справится. А как же иначе?

– Рассказ вдохновил ученых. А червей так и назвали – «антоканами». Только это были не найденные где-то там черви, а искусственно выведенные. – Вася как будто почувствовал, что я дочитал рассказ и теперь сижу в раздумьях.

Впрочем, мне кажется, он и правда мог улавливать какие-то мои мозговые волны и на них ориентировался. Пока я не хотел спрашивать его об этом, потому что боялся, что получу ответ: «Я умею читать ваши мысли». Вот этого бы мне совсем не хотелось.

– И их активируют во время болезни?

– Нет, их подселяют в организм в спящем режиме сразу после рождения ребенка. А «включаются» они, – Вася забавно утрированно показал жест кавычек, – только если происходит сбой в работе мозга подопечного.

– Как думаешь, а мне такие не нужны?

– Пока нет, – без капли иронии ответил Вася. – Если бы было нужно, то уже активировали бы. – Вот теперь он улыбнулся.

– Ну, спасибо и на этом.

Я спустил ноги с кресла, и тут же тапочки вылезли из-под него, остановившись точно под моими ступнями. Мне не было нужды даже смотреть, где они находятся – тапочки сами подстраивались под мои движения и занимали нужную позицию, чтобы я точно в них попал.

– Хватит на сегодня рассказов, пора и отдохнуть, – решил я, направившись в ванную комнату.

Реклама будущего

Честно говоря, сегодня я устал очень сильно. Слишком много всего пришлось делать. Думал, что и почитать не соберусь. Но ничего, сумел себя настроить. Посмотрим, что же ждет меня сегодня.

– Андрейка, Андрейка, пора вставать! – мамин голос ворвался в интересный и короткий сон. Андрейке очень не хотелось вставать – спать, спать, еще раз спать. Почему каждый день все одно и то же?

Мама зашла в комнату, и шторы автоматически разъехались в разные стороны, яркий свет ворвался в комнату, слепя глаза. Свет уличной рекламы не дал сну ни одного шанса, прогоняя его прочь. Подтянув сползающие штаны, Андрейка, не открывая глаз, чмокнул подставленную мамину щеку и побрел в ванную.

– Утреннее умывание, – выдал из себя, и тут же на него набросилась куча жужжащих, свистящих, вращающихся, короче говоря, умывающих приспособлений. Стоять с закрытыми глазами долее уже не имело смысла. Сразу же перед глазами замелькала зубная щетка, сделанная в виде двух фраз: верхняя была побольше – «чистые зубы», а нижняя поменьше – «покупайте наши щетки». Зубная паста так и крутилась перед глазами, несмотря на то, что зубы уже блестели, но пока Андрейка не прочитал ее название, она не улетала. Дальше пошла очередь расчесок, ножниц, ежедневно подстригающих неизвестно что, полотенец и кремов для детской кожи. Знакомые названия уже полностью впечатались в неокрепшее детское сознание. Напоследок взглянув в зеркало, где надпись «Зеркала от Дорстонов» некоторое время заслоняла лицо, Андрейка отправился на кухню.

На столе дымилась каша Ньюзли (надпись сохранялась до того момента, пока Андрейка не коснулся каши ложкой, на ручке которой было написано одно слово – «Ложкожелезо»). Вяло поковыряв кашу ложкой и заученным взглядом прочитав надпись на чашке, он взглянул на длинную ленту поднимающегося над горячим какао пара в виде слов «Нездвиг, горячая чашка каждый день – и ваш ребенок не туп, как пень». Раньше Андрейка часто критиковал этот стихотворный слог, но сегодня мамы на кухне не было (судя по звукам, она сушила волосы феном САМСАМ в ванной) так что говорить было не с кем.

– Телевизор. Первый канал.

Телевизор включился, привычно выдав название фирмы-изготовителя на большом экране, которое и так было написано на самом корпусе. Как раз начиналась очередная серия нового мультсериала «Рекламчик на прогулке». Первые две минуты шли титры, упоминающие всех изготовителей, всех спонсоров и рекламодателей, а также благодарности.

Каша уже закончилась (теперь на дне тарелки виднелась надпись Русстекло), а действие в мультике еще так и не началось. Андрейка принялся за какао, закусывая его шоколадным печеньем фирмы... фирмы... (Андрейка никак не мог запомнить сложное название «Нахпучириндустракл», это название служило явным памятником плохой работы пиарщиков – реклама должна запоминаться; хотя ничего похожего на рынке печенюшной продукции все равно не наблюдалось, так что, возможно, это была реклама от обратного, из серии «даже не зная нашего названия, вы все равно нас ни с кем не перепутаете»).

Серия обещала быть длинной, на этот раз Рекламчик гулял по цеху изготовления печатной продукции и крекеров (трудно было понять, чем они были связаны – то ли на крекерах что-то печаталось, то ли наоборот, крекеры к чему-нибудь прилагались). Андрейка так и не дождался ее окончания, но суть происходящего и концовку можно было предположить еще в самом начале.

– Эй, ты все еще ешь? – мамин голос вошел в комнату вместе с мамой. У неё было красивое лицо, дышащее здоровьем и свежестью, великолепные длинные волосы, каскадом спадающие на плечи, развевались самым непонятным образом, учитывая отсутствие ветра. – Соня-засоня, пора учиться, школа ждать не будет, – весело проворковала она. – Папа уже давно на работе, а я уйду минут через пять, так что будь умницей, учись хорошо, вечером все расскажешь.

Мама чмокнула Андрейку и побежала одеваться. Вскоре хлопнула входная дверь, возвещая о том, что Андрейка остался в квартире один. Но это не значит, что он остался без надзора. Встроенные камеры «Видим всё» всегда доставляли изображение Андрейки в реальном времени на папин и на мамин КПК. С одной стороны это немного угнетало (передача «За стеклом» Андрейку никогда не вдохновляла), но с другой Андрейка ощущал себя в полной безопасности. Андрейка был еще слишком мал, чтобы бояться или стесняться тотального наблюдения, все-таки второй класс – это всего лишь второй класс.

Компьютерная комната уже включилась, ожидая ученика. До начала занятий оставалось около трех минут. Андрейка сел в кресло, по всей длине которого красовалась надпись «Мягкий мир» и – маленькими буквами – «Ночью дешевле».

Огромный экран приветствовал Андрейку, весело продемонстрировав фирму-изготовителя. На экране отобразилась классная комната. Почти все ученики уже были в сборе и сидели за партами, материализуя из воздуха учебники, ручки и тетради. Андрейка быстро нацепил специальный чувствительный костюм (обеспечивающий полное погружение в реальность), перчатки, сел в удобное мягкое кресло и одел услужливо подлетевший шлем (который предварительно покрутился перед глазами, демонстрируя свое название).

Очутившись в классе и быстро поздоровавшись с ближайшими детьми, Андрейка стал лихорадочно вспоминать, с какого предмета сегодня начинается учебный день. Поняв всю тщетность своих усилий, он позвал дневник, который тут же оказался у него на столе. Конечно, проще было посмотреть на парты соседей, которые уже были готовы к уроку, но все хотелось сделать самому. Пролистав первые десять рекламных листов, он добрался до расписания. Учебники успели появиться в самый последний момент, когда в класс вошла Тамара Петровна, их учитель и классный руководитель в одном лице. Несмотря на нововведения, все школы придерживались классической формы обучения, дабы ученики умели все то, что умели их прапрапрадедушки, и еще больше.

Тамара Петровна стерла с доски название фирмы-производителя, которое всегда появлялось, как только заканчивались уроки, и перешла к опросу домашнего задания. Дома дети должны были выучить стихотворение Пушкина, сделать письменный русский, а главное, что оценивалось особо, рассказать о двух новых увиденных рекламных роликах, раскрыть их суть, причину появления, основные глубокие мысли.

Уроки ползли, перемены пролетали. Больше всего Андрейку доставал окружающий мир. Каждый раз приходилось рассказывать о том, что окружает людей на улице. «А что здесь рассказывать?» – сетовал он дома. – «На улицу выйдешь – и что?»

Родители не могли ему ответить, ведь всё, что было на улице – это рекламные щиты, летающая реклама, гигантские дирижабли с рекламой, небо, подсвеченное различными рекламными слоганами (кстати говоря, за место на небе проходила форменная война между рекламодателями, и цены взлетали до заоблачных высот, так что позволить себе кусочек неба могли только очень богатые фирмы; чаще всего там появлялись Макрохард и Одинодас). Понятное дело, что солнце уже давно никто не видел, а уж про звезды и говорить нечего. Лишь два раза в году, в день весеннего и осеннего солнцестояния, убиралась вся реклама, и солнце можно было созерцать целый день. Существовал лишь небольшой недостаток – на солнце можно было смотреть только через особые очки, а через них на солнце проступала специально заготовлен-

ная надпись, соответствующая реклама (за место на солнце разворачивались целые военные действия, поглощающие тонны ресурсов, как энергетических, так и денежных).

Кое-как уроки подошли к концу, и учитель распрощался с детьми, а дети распрощались друг с другом и отправились по домам. Сняв шлем, Андрейка посидел некоторое время с закрытыми глазами, стараясь отдохнуть от сложных в эмоциональном смысле уроков. Даже с закрытыми глазами разноцветная реклама мелькала, мешая расслабиться. Андрейка умылся самостоятельно, не вызывая никаких приспособлений (слишком уж они ему надоели), стараясь смыть всю негативную энергию, накопленную за первую половину дня.

Микроготовка уже выкладывала на стол суп из пакетиков «Кногги» и быстрорастворимый хлеб (его компоненты всасывались быстрее, чем он мог добраться до кишок). Стандартизованная еда приелась уже настолько, что воспринималась Андрейкой как рутина, необходимая только для того, чтобы жить, и ничего более. Даже усилители вкуса не давали нужного результата. Включать телевизор не хотелось: каждый день одно и то же – спонсор новостей, рассказывающий о себе минут пять, и новости, длящиеся не более двух минут, затем спорт, в котором известные футболисты, теннисисты, хоккеисты хвалились своими контрактами, заключенными с известными фирмами; результаты матчей показывались коротко и без комментариев, иногда их перекрывала бегущая строка с очередной рекламой. Про погоду лучше было вообще не упоминать. Какая погода, когда даже дождь до земли добраться не может, попадая на рекламные щиты и почти мгновенно испаряясь обратно. Андрейке уже все это надоело, он не понимал, как остальные это переносят, но на удивление, все остальные дети выглядели вполне счастливо. «Может быть, со мной что-то не так?» – размышлял Андрейка, но «что не так», понять никак не мог.

Письменные уроки уже были сделаны в школе, а устные проще было сразу записать «на корочку», чем учить самостоятельно. Конечно, школа не одобряла такого обучения, но пока что поделаться с этим ничего не могла, не было такого закона.

Андрейка взялся за книгу. Современная книга была всего одна, в нее можно было скачать любое произведение. От больших библиотек уж давно отказались, оставив мини-компьютер с тонкими листами. Первое время хотели использовать под это дело обычные ноутбуки, но быстро отказались от этой идеи – многим людям нравилось переворачивать страницы, а не листать их с помощью мышки или стрелок. Сегодня это была фантастика. Андрейка обновил в голове имя автора: Рэй Бредбери, «451° по Фаренгейту». Хороший автор, жаль только, ошибался насчет Марса. Нет там никакой жизни, да и не было никогда, только последние пятьдесят лет как там появились так называемые «марсиане» – астронавты, наконец-то решившиеся поселиться так далеко от земли, с ними же туда прибыли и первые рекламные марсоходы (большая радость для всей страны – снова мы стали первыми).

Книги, бумага... Эти понятия сохраняли только свое номинальное значение, но в голове Андрейки всплывали образы этой самой бумаги. Читая роман, он мысленно видел все происходящее буквально и четко. Как такое может быть, если он никогда в глаза не видел этого уже ставшего практически мифическим материала? Андрейка задумался, так и не дочитав открытую страницу до конца. Странно все это. Он снова принялся за чтение. Реклама, занимавшая небольшое, но весьма заметное место на каждой странице, отвлекала, сбивая с общего настроения. Захватывающие приключения, перебиваемые словами «посетите нас», «купите у нас», «пользуйтесь нами», быстро сходили на нет. А не смотреть рекламу было нельзя, страница книги в этом случае переворачиваться не хотела. Но несмотря на это Андрейка сумел собраться и дочитать роман до конца. Тяжелое произведение, трудное, особенно для ученика второго класса, но дети сейчас развиваются быстро, так что ничего удивительного в том, что их сын читает такую литературу, родители не находили.

День подходил к концу. Выходить на улицу не хотелось, да и вообще выходить из дома не хотелось.

- Что это ты сегодня хандришь? – раздался мамин голос, и экран компьютера зажегся.
- Да так, ничего, книга грустная, – попытался отговориться Андрейка.
- Не грусти, мы с папой скоро приедем, – послав воздушный поцелуй, мама отключилась.

Когда вечером вся семья собралась за столом, Андрейка не выдержал и спросил:

– Откуда я знаю, что такое бумага? Я ведь никогда ее не видел, не шупал, даже в Интернете не смотрел, однако, читая Бредбери, никак не мог отделаться от смутного, очень знакомого ощущения.

Родители замолчали и переглянулись.

– А почему ты решил, что знаешь, какая она на ощупь, если ты ее никогда не шупал? – поинтересовался отец, – Может быть, ты считаешь, что знаешь, а на самом деле это всего лишь плод твоих фантазий?

Андрейка задумался, иногда детей так легко запутать. Но ему не хотелось в это верить, не хотелось получать такое примитивное, но весьма логичное заключение, однако спорить он не стал.

– Спешу сообщить вам, – перевел разговор папа, – что сегодня вводится новый вид рекламы. Только я не скажу какой – мне запрещено разглашать эту тайну – просто предупреждаю, чтобы вы не пугались ничему необычному.

Поговорив о том о сем, вскоре все разбрелись по своим комнатам. «Пора ложиться спать», – решил Андрейка, быстро разобрал кровать, одел пижаму и лег. «Вот она – свобода, последнее и единственное место, куда еще не проникла эта зараза, называющая себя рекламой, двигателем прогресса». То, что реклама – это двигатель прогресса, не знали только еще не рожденные дети. Все остальные успевали впитать эту истину в роддоме, когда каждый младенец получал за правым ухом небольшую татуировку с рекламой обслуживающего его роддома. Самое противное, что в этой фразе была доля истины. Когда реклама стала заполнять все вокруг, прогресс пошел вперед семимильными шагами. Кто первым придумал, как захватить небо? Кто придумал, как осветить ночь? Кто сумел изготовить специальный пар? Да много чего еще – кто сумел сделать надпись на солнце, в конце концов? Конечно же, рекламщики и весь штат работающих на них профессиональных ученых. О плохом думать не хотелось. Скорее бы уйти от этой гнусной, однообразной реальности, скорее бы заснуть. Только сны давали свободу, только там было свободное творчество, только там можно было найти покой. На грани засыпания он слышал, как в комнату заходили родители и по очереди целовали его в щеку.

Андрейка бежал по зеленому лугу, а рядом с ним, смешно подпрыгивая, бежал единорог. Они были лучшими друзьями, единорог очень часто приходил в Андрейкины сны, и они оба всегда наслаждались долгожданной встречей. Их путь лежал к прекрасному синему искрящемуся озеру, в котором можно было искупаться.

Андрейка с разбега вбежал в воду, поднимая тучи брызг и распугивая стайки рыб, следом за ним в воду забежал и единорог. Неожиданно все исчезло. В образовавшейся черноте (такое отсутствие света нельзя было назвать даже темнотой), раздался голос:

– Ты спишь, ты слишком устал, но зачем терять время зря?! Слушай и запоминай!!.

Андрейка крикнул:

– Где мой единорог, что с ним?

Голос, не обращая на его вопросы внимания, продолжал:

– Лучший сон может быть только на подушке «Мягкий Пух», только лежа на ней вы сможете обрести полный покой!

Голос оборвался, и Андрейка снова оказался в воде рядом со своим другом.

– Это какой-то кошмар, – прошептал он единорогу, и тот понимающе кивнул.

Купание было испорчено. Немного поплескавшись, они вышли на берег и легли на траву. Андрейка только-только успел расслабиться, как снова оказался в черноте:

– Вы еще не пробовали наши супермягкие матрасы «УтониПоПолной»? Мы готовы исправить это – звоните и заказывайте, наш телефон автоматически запишется в вашей памяти, и вы его уже никогда не забудете! Фирма...

Дальше Андрейка дослушать уже не смог. Громко заплакав, он проснулся. На плач прибежал папа, а за ним в комнату влетела и мама. В один голос они успокаивали его.

– Реклама, она добралась и до моего сна! Она добралась до меня и здесь! – всхлипывая, бубнил Андрейка. Истерика быстро затихла, перейдя в унылое состояние. – Я не могу так больше, неужели даже во сне нельзя от нее отдохнуть?

Родители в растерянности смотрели на него. Помолчав некоторое время, папа решился:

– Понимаешь, это и есть новый вид рекламы. Это реклама в наших снах. Ты не должен бояться ее, она прерывает сон всего на несколько миллисекунд реального времени и десять-пятнадцать секунд сонного. Так что не надо так беспокоиться. Мы завтра попросим сделать громкость потише, чтобы она не превышала общей громкости твоего сна, идет? – Папа в надежде протянул Андрейке руку. Андрейка пожал ее и снова лег в кровать, закутавшись одеялом по самые глаза. Говорить уже не хотелось, да и спать тоже. Неужели все так плохо, неужели нет выхода?

После такого потрясения Андрейка заболел и провалялся в постели целую неделю. Мама отпросилась с работы и постоянно находилась рядом с ним. Папа настоял на том, чтобы Андрейке дали блокираторы рекламы, чего пришлось добиваться довольно долго, но в конце концов папа пригрозил подать на компанию-распространителя в суд за угрозу жизни своего ребенка. А учитывая, что система была еще нова и не обкатана, фирма решила скорее откупиться, чем предавать это дело огласке.

Андрейка подросток. Он живет так же, как и жил, учится, играет с друзьями. И никто не знает, что во сне он может чувствовать себя полностью свободным. Внешне он такой же, как и все дети, но у него есть одно преимущество: он может отдыхать от рекламы, может спать и видеть сны, и никто, ни одна рекламная компания не может посягнуть на его сон. Он единственный в этом мире, кому по закону разрешили иметь блокиратор. А вскоре про блокиратор все и забыли...

Я сидел и думал. Думал и вспоминал. В мое время реклама навязывалась жестко – можно даже сказать, жестоко. Вторгаясь в жизнь, напрягая, очень редко веселя и развлекавая. Никогда не любил рекламу.

– Вася, а что у вас с рекламой?

– Ее нет. По крайней мере, в том виде, в каком вы ее себе представляете. У нас не навязывают ее на всех углах, она существует только там, где нужно. Например, вы хотите купить спагетти. Через сеть заходите в магазин, где вам предлагаются все варианты, расположенные по ранжиру. Соответственно, чем ранг продукта выше, тем больше шансов ему попасться на глаза.

– Так если все начнут покупать только те спагетти, что находятся на первом месте, они и будут продаваться, остальные просто прогорят! – воскликнул я.

– Не совсем так, – сказал Вася и подошел поближе. – Попробую объяснить систему. Ты, наверное, уже знаешь про микрочип, вживленный в тебя?

Я кивнул.

– Но есть еще множество, как вы говорите, «девайсов», которые вживляются при рождении. Один из них – глазные имплантаты. Благодаря им перед тобой как бы возникает вир-

туальный экран, и ты можешь делать выбор, останавливая свой взгляд на том или ином элементе. Примерно такой.

Передо мной на удобном расстоянии от взгляда внезапно возник экран с объемным изображением продуктов.

– Программа считывает все твои параметры и исходя из этого выдает продукты, выставляя на первое место те, которые тебе на данный момент больше нужны, а кроме того, те, которые ты можешь себе позволить. – Вася подвинулся и встал рядом со мной, чтобы смотреть с той же позиции, что и я. – А теперь давай выбирать.

Подарок

Уже неделю мне не дают разрешения на записи. Всё то, что происходит со мной в лабораториях, нельзя сообщать в прошлое (точнее, в бывшее мое время). Это весьма грустно, так как очень многим хотелось бы поделиться. Ну что ж, раз пока ни о чем новом из увиденного мне писать не разрешают, буду дальше читать и делиться с вами прочитанным. Как ни странно, но то, что мне попадается в рассказах, порой намного занимательнее того, что я вижу в «будущей» реальности.

Ну что ж, приступим.

Я получил себя на день рождения два года назад. За это время я многое повидал, многое узнал, но время мое подходит к концу. Я разрешил себе написать это прощальное письмо в надежде на то, что в будущем люди, может быть, догадаются, как справиться с такой проблемой, или найдут какие-то иные решения – кто знает. Попробую объяснить все по порядку. Итак:

Как я уже начал рассказывать ранее, я появился на свет, а точнее, осознал себя как личность в день своего двадцатипятилетия. И именно тогда мне удалось посмотреть на себя со стороны...

Сам сейчас перечитал начало и подумал, что так никто ничего не поймет. Попробую еще раз с самого начала. Значит, так:

Я – точная копия самого себя. У нас не принято говорить «клон» или что-то подобное, так как механизм моего появления несколько другой. Хотя я в нем совершенно не разбираюсь. Однако поясню, что знаю.

Существует человек, изначальное Я, с которого (может, даже и без его ведома) делают точную копию. Только вот сознания в этой копии нет, а в остальном она совершенно идентична оригиналу. Назовем это первоначальное я «хозяином», чтобы не путаться.

В действительности слово «хозяин» полностью отражает суть наших отношений. В любое время, когда бы хозяин этого ни захотел, он может переместить свое сознание в меня. Именно в этот момент я и оживаю. Точнее, считается, что во мне нечему оживать – я же чистая оболочка. Однако в моем случае явно что-то не так.

Все время своей бессознательной «не-жизни» (как я это называю) мне приходится находиться в специальной капсуле, которая не только хранит мое тело, но еще и восстанавливает его от возможных повреждений, а также вводит те изменения, что происходят с телом хозяина. Так, например, если хозяин начнет наращивать себе мускулатуру, то и у меня мускулатура постепенно увеличится за счет работы капсулы.

По замыслу я, по большому счету, обычная оболочка, в которую приходит сознание хозяина – соответственно, в самой этой оболочке никакого другого сознания быть не должно, вроде как... Создан я для того, чтобы хозяин мог участвовать в различных сомнительных или опасных затеях (какие из них мне довелось наблюдать – постараюсь рассказать позднее).

У меня есть лишь одна ночь, чтобы записать все, что я запланировал. Хозяин дал мне возможность использовать тело на это время. Утром меня уже не станет.

Моя жизнь

Я очнулся посреди большой комнаты. Вокруг столпилось большое количество народа. Все смотрели на меня и чего-то ждали. Вдруг я заговорил:

– Ух ты! Классная вещица! Ощущаю себя совершенно так же, как и в своем теле! Теперь я столько всего смогу попробовать!

– Только особо не переусердствуй. Постарайся, чтобы копия продержалась как можно дольше – все ж таки дорогая вещица. – Это сказал пожилой седой человек с небольшим брюшком (по логике это был мой отец).

В это время за спиной у меня раздался какой-то шум. Обернувшись, я увидел, как на тележке ввозят огромный белоснежный торт с горящими свечками. В самом центре красовалась кремовая надпись «25».

– С днем рождения! С днем рождения! – закричали все вокруг.

Когда торт подвезли прямо ко мне, я поднял руки, прося тишины. Все замолчали. Набрав в легкие воздуха, я дунул изо всех сил. Последняя свечка держалась довольно долго, но и она погасла.

Вот так впервые я почувствовал сильное напряжение. На то, чтобы отдышаться, пришлось потратить некоторое время. Пока мне все хлопали, я старательно делал вид, что со мной все в порядке. Видать, не зря меня подарили хозяину – с дыхалкой у него было не очень. Потом я отключился.

На следующий раз я очнулся за десять минут до выхода из дома. Самое странное, что я ощущал свою самость. Только поймите меня правильно: не самость внедренного в мое тело самосознания хозяина, а именно мою самость, собственную.

Я наблюдал за действиями внедренного сознания как бы со стороны. Я все чувствовал, все воспринимал, даже понимал мысли хозяина, но ничего не контролировал. Стоило хозяину выйти из тела, как я и мое собственное сознание отключалось. Это было ужасно. Поэтому мои записи представляют такой своеобразный клиповый набор кадров. Я могу рассказывать только о том, что видел, слышал, чувствовал сам, а это, к сожалению, не так уж и много. Да, я подключался к сознанию хозяина, но я знал, что в нем творится только на данный конкретный момент – и ничего из того, что было раньше, когда меня не было, не помнил. Точнее, не мог самостоятельно извлекать из памяти. Однако хозяин мог разворачивать мысленные образы перед моим внутренним взором. А опыта, надо сказать, у него было побольше.

– Давай уже, выезжаем. – Ко мне подошла красивая девушка, внимательно заглядывая в глаза. – Ты с этим освоился?

– Кажется, да. Здесь ничего сложного, это же вылитый я!

И тут мне удалось увидеть своего хозяина, который лежал на диване, закрыв глаза. На данный момент его собственное тело (так похожее на мое) было бесполезной кучей костей и мяса.

Затем мы ехали на машине в аэропорт. Ощущения совсем необычные. Я долго привыкал к ним, мне хотелось осмотреться вокруг, но хозяин (используя мое тело!) либо смотрел телевизор, либо вел бесконечные разговоры с девушкой, которая вела машину. Говорили они в основном о всякой ерунде, так что не берусь пересказывать их болтовню.

Зато в аэропорту стало намного интереснее. Хозяин во мне постоянно оглядывался, рассматривал самолеты. Он явно тут очутился впервые, что было мне на руку.

Меня загрузили в небольшой двухместный самолетик. Я сел позади пилота.

– Готов прыгать? – крикнул он мне.

– Готов!

– Вот и отлично. – Он проверил все пристегнутые ремни и самолично всё защелкнул.

Как только пилот уселся на свое кресло, взревел мотор. По радиации что-то передали, и самолет тронулся с места.

Мы немного проехали по асфальтированной дороге, выезжая на взлетную полосу. Кабина была открытая, и воздух приятно ерошил мои волосы. Когда шасси самолета оторвались от земли, я почувствовал что-то такое приятное и щемящее, что чуть не разрыдался. Это была свобода.

Самолет все набирал и набирал ход. Мы летели, ветер бил в лицо, хозяин решил опустить на глаза очки. Стало намного легче смотреть по сторонам. Глаза перестали слезиться.

Аэродром внизу становился все меньше и меньше. Вскоре от взлетной полосы осталась лишь узенькая серенькая полоска. Я расправил руки и закричал. Это было ошеломляюще.

Через некоторое время пилот поднял правую руку и медленно начал разгибать пальцы один за другим.

«Что это означает?» – лихорадочно соображал я, но тут же вспомнил, как мне внизу объясняли, что это пятисекундный отсчет. Сейчас будут катапультировать. Мое тело заметно напряглось. А чего боялся хозяин? Ему-то все равно: если что-то не сработает и мы разобьемся, то уничтожусь только я, а он снова окажется в своей квартирке – просто встанет с дивана, потянется, встряхнется. Может быть, слегка пожалеет о потерянной дорогой игрушке, и всё. А что будет со мной? Лучше и не думать...

Резкий толчок в копчик, позвоночник содрогнулся, передавая удар в голову – и полет. Катапульта сработала отменно, запустив меня высоко-высоко. Самолет быстро удалялся, а надо мной уже с громким хлопком раскрылся парашют.

Прекрасный вид, открывшийся внизу, радовал глаз. Сердце перестало бешено колотиться: парашют раскрылся, значит, на этот раз я не умру. Весело было болтать ногами и видеть приближающуюся землю. Первое время чувствовался холод, царящий на высоте, но он ощущался где-то на грани восприятия. Возбуждение от полета перевешивало все неприятности.

Приземлился я не очень удачно, слегка подвернув правую ногу. Инструктор помог мне избавиться от парашюта, а дальше – опять машина и дорога домой.

Я заметно хромал, но хозяин не хотел из меня выходить. Ему было интересно прочувствовать эти болевые ощущения, узнать, как это: ходить с больной ногой. Вряд ли ему это понравилось, но главное, что он выдержал.

Как ни странно, но по мне так лучше, чтобы даже в раненом или травмированном состоянии сознание хозяина присутствовало во мне. Ведь пока он был здесь, я тоже был. Интересно, куда же я девался, когда сознание хозяина отсутствовало? Спал? Но снов-то я не видел. Да и вообще никак себя не ощущал. Для меня просто не существовало того времени, что я проводил без сознания. Меня в это время просто не было.

Хозяин лег в капсулу, и я отключился.

В принципе, я пишу «отключился», однако для меня это выглядело так, что я закрыл глаза и потом тут же их открыл снова. Так что вся моя жизнь была сплошным действием.

Вылезая из капсулы, я сразу почувствовал, что нога вновь здорова. Восстановительные процессы в капсуле регенерировали все поврежденные ткани. Если от моего тела хоть что-то оставалось после несчастного случая, капсула всегда могла привести меня в исходное состояние. Главное, чтобы было что восстанавливать.

На этот раз мы полетели на охоту. Не буду описывать долгий путь на машине и небольшом самолете. Как все это происходит, вы знаете и без меня. Выгрузили нас – а это три человека (все мужчины, скорее всего, такие же копии, как и я) – на границе лиственного леса и саванны. Эта территория была специально создана для охоты и давала возможность пострелять как на открытой территории, так и в лесу.

Перечень животных, разрешенных для охоты, был весьма разнообразен, однако в него входили только хищники. Травоядных животных, которые попадались здесь далеко не так часто, как могло показаться, было очень мало. Зато хищниками местность просто кишела. И связано это было как раз с тем, что территория представляла собой охотничьи угодья – человеческие и звериные. Только звери здесь охотились в основном на людей. Таких же любителей, как и мы.

Проводник выдал нам ружья с большим запасом патронов, сумки с медикаментами и сообщил, что приедет к вечеру. Теперь мы остались одни, предоставленные сами себе.

Опасаясь неожиданного нападения, мы отошли от деревьев и внимательно осмотрелись. Перед отъездом нам дали выполнить несколько выстрелов в качестве обучения, так что теперь все дружно передернули затворы.

В обойме было по семь патронов, и все участники были обвешаны патронташами. Вот только патроны были со снотворным – убивать зверей просто так никто бы не разрешил. Так что нам предстояло обеспечить им здоровый крепкий сон (правда, ненадолго, всего на два-три часа), и в течение охотничьего дня можно было повстречаться со своей жертвой не один раз. Однако существовала некоторая проблема: такие пули не останавливали животное силой своего удара, а действовали, вырубая животное в течение одной-двух секунд, в зависимости от веса и стойкости зверя. Поэтому от быстро бегущего существа, за секунду спокойно преодолевающего метров десять-двадцать, нужно было бы еще и увернуться, пока он окончательно не отключится.

Первым делом мы выбрались в саванну – все же открытые пространства вроде как полегче. Друг с другом мы практически не разговаривали и, честно говоря, даже не знакомились. На данный момент мы просто случайные попутчики. Может, на некоторое время сообщники, но не более.

Один мой напарник оказался грузным высоким человеком, в руках которого ружье выглядело детской игрушкой. Если я правильно расслышал, его звали Дэн. Зато другой был среднего телосложения, чуть ниже меня, но с развитой мускулатурой – кажется, Милтон. Вполне возможно, что это далеко не первая охота, в которой они участвуют.

Всегда думал (точнее, мой хозяин так думал), что в саванне все видно как на ладони, однако большие пространства здесь оказались покрыты довольно высокой травой. Примерно мне по пояс.

Оба моих напарника вскинули ружья одновременно. Я же явно запоздал. Послышались легкие хлопки. И тут я увидел, как из травы вылетает крупное желтое тело. Оно врезалось в здоровяка и повалило того на землю.

Повезло, что лев успел заснуть в воздухе, серьезно не повредив попавшего под лапу человека. Однако это был еще не конец. Я различил шелест травы и заметил несколько светложелтых тел, стремящихся нас обойти.

– Сейчас здесь будет весь прайд, – пробурчал Милтон.

Прижав ружье к плечу, он принялся выцеливать жертву. Я поступил так же. В это время Дэн выбрался из-под льва. Отряхнувшись, он встал рядом с нами – мы образовали треугольник.

«И кто на кого тут охотится?» – пронеслось в голове.

Львицы атаковали весьма неожиданно. Еще секунду назад казалось, что они только бродят неподалеку и выискивают позицию – и вот уже на нас устремились мощные, полные убийственной решимости тела.

Одну львицу я заметил заранее и сумел попасть в нее с третьего выстрела. А вот вторая оказалась рядом со мной намного раньше, чем я этого ожидал. Мои соратники стреляли почти без остановки.

Вторую свою львицу я подбил практически в упор, однако она успела слегка поцарапать мне бедро. О перевязке не стоило и думать. В прайде не менее двенадцати животных (частенько количество львиц в прайдах искусственно увеличивали), и они не собирались давать нам хоть какую-то передышку.

Я услышал, как Милтон начал перезаряжать ружье. В это же время с двух сторон выбежали львицы. Одну взял на себя Дэн, но он промахнулся. Я же успел попасть во вторую.

Однако время было упущено: обе львицы набросились на Милтона. Вцепившись в него когтями и зубами, они покатались по земле.

Львица, которую я успел подстрелить, быстро отвалилась, оставшись лежать, однако вторая была бодра и полна сил. Дэн стрельнул в нее, запоздало пытаясь спасти напарника. Но это не помогло. Разодранное горло говорило о том, что помочь Милтону мы были уже не в состоянии.

– Отступаем к лесу! – крикнул Дэн, вновь перезаряжая ружье.

И когда он только успел выпустить очередную обойму?

Тело Милтона ненадолго задержало животных, давая нам возможность отступить к лесу.

Между лесом и саванной пролегал небольшой лысый участок без всякой травы – может, туристы вытоптали, а может, это было природное образование. На какое-то мгновение я почувствовал себя в безопасности. Быстро перезарядив ружье, я снова был готов к бою.

Никто не нападал. Тишина скорее напрягала, чем даровала спокойствие. Только ветер шелестел листвой и травой.

– Львы уже знают это место, – сказал Дэн. – Теперь не пойдут на сближение.

– Почему ты так решил?

– Так эти львы тут уже много лет обитают. Научились и поняли, что к чему.

«Вот черт меня дернул на это сафари поехать!» – думал хозяин. – «Теперь и в лес соваться страшно, и по саванне ходить боязно».

До деревьев было рукой подать. Я прислонился к толстому гладкому стволу и перевел дух. Что это за деревья, хозяин не знал – соответственно, и я тоже.

– Осторожно, сверху! – Дэн выстрелил, и тело пятнистой кошки упало к моим ногам. – Леопард. Деревья для него – дом родной, – пояснил Дэн. – Пройдемся по лесу? – Он улыбнулся.

– Пройдемся, – немного бравируя своим бесстрашием, ответил я.

Мы смело ринулись в гущу деревьев. Вообще-то особой гущи не было, так что продираемся через колючки и ужасные цепкие кусты не приходилось, но зелени для маскировки хищников вполне хватало.

Справа раздался треск продирающегося в нашу сторону животного. Мы приготовились встретить нежданного гостя. Благодаря производимому шуму мы легко определили, когда появится цель.

Кабан выбежал и остановился, подслеповато глядя на нас. Он явно ни на кого не охотился, а шел по своим делам. Однако наши выстрелы прозвучали одновременно. Кабан упал как подкошенный.

– Тьфу ты, – сплюнул Дэн.

– А разве кабаны живут рядом со львами? – удивился я.

– Не знаю. Но тут ведь всех поселили для нашего развлечения, а не по принципу сохранения экосистемы или поддержания исторически правдоподобного сожительства зверей. Здесь же и травоядных животных очень мало. Они тут появляются только тогда, когда хищников надо подкормить. Собственно, тогда, когда они охотниками наестись не могут. – Дэн хохотнул.

Сзади меня что-то зашуршало. Дэн быстро прижал ружье к плечу. Я отпрыгнул в сторону и повернулся. Ветки в полутора метрах над землей пошевелились. Я, не раздумывая, запустил туда две пули. Шевеление прекратилось, но никакого падения тела мы не услышали. Я выстрелил еще раз и стал медленно подходить к дереву. Дэн стоял на месте, продолжая целиться в сторону веток. Сзади раздался дикий рев.

Когда я обернулся, две львицы уже вцепились в Дэна.

– Вот зараза! – вырвалось у меня.

Я начал палить. Всю оставшуюся обойму всадил в обеих хищниц. «Львы уже и сюда добираются?!» – удивился я. – «Хотя чего тут думать – они тут совсем бешеными стали вследствие ненормальности условий существования. Так, глядишь, скоро и по деревьям лазать начнут».

Я слегка запаниковал. Когда мы были втроем, я еще надеялся на партнеров – думал, что на более опытных охотников можно положиться, и вот на тебе! Охотник из меня был никакой, да и особыми физическими данными я не отличался. С близи попасть в льва я сумею, а вот издали – не факт.

Снова возник шорох, первоначально привлекший наше внимание. А вдруг поблизости скрывался еще один леопард? Я подбежал к дереву и раздвинул густые ветки.

Вам может показаться это глупым: сам только что говорил о леопарде, и тут же побежал проверять этот факт собственноручно. Но страх с людьми чудеса творит. Я очень боялся, почти безумно, но если бы я просто стоял и ждал, когда что-нибудь еще случится, то, наверное, сошел бы с ума. А так побежал – решил проблему и все дела.

На ветках я обнаружил подстреленного уснувшего удава. Вот надо было так попасть? Почти в самый кончик хвоста! Я улыбнулся.

Раздались подозрительные звуки. К месту гибели Дэна кто-то приближался. Недолго думая, я залез на дерево и занял позицию. Смотреть сверху было на удивление удобно, а главное – используя образовавшуюся развилку из веток, можно было прицелиться намного вернее.

Не прошло и минуты, как на поляну вылезли три львицы и молодой лев. Я хорошенько прицелился. «Кого бы сначала подстрелить?»

Первая пуля попала в дерево, вторая в землю, зато третья попала точно в холку одной из львиц. Вскоре она завалилась набок и заснула. Остальные львы посмотрели на упавшую товарку, но тут же перенесли свое внимание на труп Дэна. Четвертую и пятую пулю я потратил на молодого льва. Но только я прицелился в оставшуюся львицу, как почувствовал, что по дереву пошли легкие вибрации.

Оглядевшись, я заметил, как по стволу в мою сторону лезет леопард. Развернуть ружье я уже не успевал. Леопард кинулся на меня. Выставив левую руку перед собой, я прикрыл шею, в которую тот и целился. Здоровенные острые зубы с хрустом врезались в мое тело. Дикая боль пронзила руку – похоже, что кости в ней превратились в кучу осколков. Но борьба только началась.

В ход пошли когти. Леопард явно пытался разорвать меня на мелкие кусочки. Я постарался упереться ногами леопарду в живот и оттолкнуть его, но у меня получилось лишь слегка его отодвинуть. Без ружья мне было не обойтись. Кое-как извернувшись, я схватил ружье. Леопард понял, что держать меня за руку толку мало, и отпустил ее. В это время я развернул дуло в сторону леопарда. Дистанция была слишком близкой, так что единственное, что я сумел сделать – это выстрелить леопарду в ногу. Тот взвизгнул, затем опять попытался меня укусить, но я заметил, как «поплыли» его глаза. Затем тело расслабилось и полетело вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.